

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

НОВАЯ ЭРА

СЕРГЕЙ ШКЕНЁВ

ТЕПЕРЬ ИСТОРИЯ ИЗМЕНИЛАСЬ

Сергей Николаевич Шкенёв
Цесаревич Вася
Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»
Серия «Цесаревич», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70067224
Цесаревич Вася: Издательство АСТ; Москва; 2024
ISBN 978-5-17-160631-2*

Аннотация

Мир, в который во время Крымской войны неожиданно пришла магия. И Севастополь устоял. И пепел сторевших в магическом огне интервентов удобрил крымские виноградники. А история изменилась.

Почти изменилась – погибшему императору Николаю Первому наследовал случайно оставшийся в живых правнук, ставший императором Николаем Вторым.

А потом его свергли с престола, но случилась Великая Октябрьская Реставрация, возглавляемая братьями Александром и Владимиром Ульяновыми, погибшими при отражении немецкой агрессии в 1917 году.

В России теперь новый император – Иосиф Первый Виссарионович. А в тело наследника престола Василия

Иосифовича попадает сознание лётчика-истребителя из 60-х годов двадцатого века капитана Родионова.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	21
Глава 2	39
Глава 3	58
Глава 4	77
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Сергей Шкенёв

Цесаревич Вася

© Сергей Шкенёв, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Пролог

Точкой поворота в истории этого мира стала поздняя осень 1854 года, когда возвращающийся от Феодосии к Севастополю французский парово-фрегат подошёл почти вплотную к мокрой и хмурой громадине Кара-Дага и произвёл залп восемью двадцатичетырёхфунтовками. Зачем они это сделали? Да бог их знает, этих легкомысленных французов, чья жизнь напоминает смесь водевиля с похабной опереткой. Может, из куража, от лихачества или по какой иной причине, но залпировали, да и пошли себе спокойно дальше.

Кара-Даг промолчал. Потухший в допотопные времена вулкан даже не вздрогнул, когда в него попали тяжёлые бомбовые ядра. Шрамом больше, шрамом меньше... беспощадное время бьёт сильнее. И лишь спустя три дня из крохотной трещины показалась тонкая струйка дыма. Почти невидимая, к концу недели она превратилась в солидную струю, образовавшую в небе огромное полупрозрачное облако, медленно уносимое ветром к Севастополю, Балаклаве и Евпатории. Потом облако пролилось на землю дождём, тёплым, несмотря на осень, дождём.

И целый год потом по всему миру просыпались считающиеся давно потухшими вулканы, выбрасывая в воздух неведомую субстанцию, отныне и навеки изменившую этот мир. Но впервые магия появилась именно здесь, в осеннем

Крым 1854 года.

Матрос Елисей Пташкин охотился на штуцерников с разрешения господина лейтенанта Штакельберга, делал это с большой выдумкой и превеликим удовольствием, и на сей момент имел на своём счету четырёх англичан и пятерых французов. За десятого Елисею был твёрдо обещан второй уже Егорий на грудь и семьдесят рублей на ассигнации от артиллерийских офицеров, более других страдающих от меткости вражеских стрелков. Но этот десятый уже пятый день никак не давался – рыжий, как лисовин, англичанин обладал лисьим же чутьём на опасность и ловушек всячески избегал. Вот вчера выбрал он себе удобнейшую лёжку, точно пузом поверх минной закладки, и надёжнейший замок дал осечку. И ушёл рыжий целым и невредимым. А сегодня, тварь такая, эту мину откопал и издаля всячески глумится, показывая насквозь неприличные жесты с безопасного расстояния.

– Да чтоб ты лопнул, чума рыжая! – в сердцах выругался Елисей и погрозил англичанину кулаком.

Никто не ожидал, что пожелание исполнится в тот же миг и в совершеннейшей точности – с кулака Елисея Пташкина соскочила яркая искра, которая в единое мгновение преодолела расстояние до рыжего и в нём же и взорвалась, разбросав того по сторонам мелкими клочьями.

Происшествие случилось на глазах многочисленных свидетелей, и о нём незамедлительно доложили по команде. Самое высокое начальство откликнулось не сразу, так как бы-

ло занято разговором с Николаем Ивановичем Пироговым, рассказывающим об излечении антонова огня наложением рук, и о новой ноге казачьего урядника Магелланова, выросшей за одну ночь взамен оторванной вражеским ядром.

Потом пошли другие новости. Пред светлы очи генералов и адмиралов даже привели солдата, о чью грудь погнулся штык во время захвата неприятельской батареи. Кстати, этот же солдатик принёс из вылазки одну из пушек на своих плечах и нисколько при этом не запыхался. Ещё был пехотный штабс-капитан, запаливший английский линейный корабль свечением из глаз, и целый французский полк, после горячей молитвы протоиерея Афанасия Углицкого застывший ледяными фигурами, рассыпающимися со звоном в мельчайшую пыль от малейшего прикосновения или дуновения ветра.

Так что подвиг матроса Елисея Пташкина уже никого не удивил. Правда, обещанного Егория он получил в тот же день, а вместо семидесяти рублей на ассигнации господ офицеры собрали целую сотню серебром.

До Петербурга далеко, и было принято решение известить императора Николая Павловича, но действовать на свой страх и риск, не дожидаясь ответа и указаний. Результатом стала полная зачистка Крыма от неприятельских войск ещё до Рождества и впервые применён так называемый «большой круг», когда получившие неожиданный дар офицеры, матросы и солдаты объединили усилия для нанесения удара по турецкой столице прямо через море. К огромному огор-

чению, от перенапряжения при исполнении «большого круга» умер адмирал Нахимов, но и ныне на месте Стамбула не растёт даже сорная трава, а пролив Босфор стал вчетверо шире прежнего.

К слову сказать, знаменитейшие на весь мир вина князя Голицына производят из выращенного на полях былых сражений винограда, о чём недвусмысленно говорят их названия – «Турецкий пепел», «Слеза француза», «Английская кровь».

Спустя несколько лет дюжина бутылок с таким вином была с оказией доставлена в Лондон, где подарена известному ненавистнику всего русского Александру Ивановичу Герцену. Человек, от которого отказались даже близкие друзья из-за пожеланий поражения своей стране в минувшей войне, воспринял дар как попытку примирения и принял его с радостью и благодарностью. А через неделю купил прекрасный охотничий штуцер и из окна наёмной кареты выстрелил в голову показавшейся на балконе Букингемского дворца королевы Виктории. Тяжёлая пуля не оставила Её Величеству шансов и не помог недавно открывшийся целительский дар.

Александра Ивановича схватили на месте преступления, откуда он и не пытался скрыться, а при обыске у него дома нашли многочисленные труды господ Маркса и Энгельса, а также переписку как с вышеобозначенными господами, так и с другими сторонниками их пагубных идей. Только что родившийся марксизм был задушен в Лондоне прямо в колы-

бели, а его отцы-основатели неожиданно для всех повесились в тюрьме на собственных галстуках, не дожидаясь суда и сурового приговора.

А в Европе установился хрупкий мир. Европа спешно осваивала новые умения и вырабатывала способы им противодействовать. Не всегда получалось – так, например, австрийский император Франц Иосиф скончался в цвете лет от скоротечной чахотки, вызванной проклятиями многочисленных народов, оную империю населявших. Французского императора Наполеона Третьего после позорно проигранной Восточной войны традиционно сослали сначала на остров Эльба, а потом и на остров Святой Елены, где так же традиционно отравили мышьяком. Распутная французская Марианна достала запылённую и поеденную крысами революционную шарманку и объявила:

– Республика! Танцуют все!

В России от победы царили всеобщее ликование и эйфория, не переходящие, однако, в почивание на лаврах. На армию-победительницу обрушился ливень наград и повышений, причём в офицерские чины производились получившие дар и отличившиеся в боях солдаты и матросы. Во флоте было зародилось недовольство разбавлением белой кости вчерашней костью чёрной, но воссоздание корпуса морской пехоты, куда и направлялись новоиспечённые офицеры, прекратило этот ропот без дополнительных усилий.

В 1870 году, когда открыли эффект антигравитации и со-

здали на его основе дирижабли, именно морские пехотинцы составили костяк Военно-Воздушных сил Российской империи, пополняемый исключительно добровольцами вне зависимости от происхождения.

Бурное развитие техно-магической промышленности требовало рабочих рук, пусть даже низкой квалификации, поэтому крепостное право умерло само собой, без особых на то указов и манифестов. Две новых строчки в законе, и всё – любой крепостной мог заявить о своём желании податься на завод, после чего получал вольную, паспорт и билет от казны на всю семью до места будущей работы. Помещики не препятствовали исходу крестьян в города, так как услуги любого выпускника Императорского училища почвоведения и погодоведения приносили доход куда больший, чем непроводительное ковыряние в земле нескольких сотен лапотных душ.

В 1886 году организация «Народная воля» провела во всех крупных городах многолюдные демонстрации и манифестации, требующие от императора Николая Павловича пройти процедуру омоложения, к тому времени многократно опробованную и успешно применяемую. Государь долго противился всенародному волеизъявлению, но всё же позволил себя уговорить. Ритуал решили проводить в Крыму, в Ливадии, и устроить из этого грандиозный праздник.

И вскоре пришло известие, что императорский дирижабль потерпел крушение от внутреннего взрыва в небе над

Бахчисараем, и в том крушении уцелел один лишь правнук Николая Павловича, великий князь Николай Александрович.

Собственно, с этого и началось движение Российской империи в сторону зияющей бездны. Победоносные Русско-китайская и Русско-японские войны окончательно уверили молодого государя, что в его государстве всё чудесно и прекрасно. Только вот перед Северо-Американскими Соединёнными Штатами неудобно за их тихоокеанское побережье, тоже пострадавшее от смывшей Японию гигантской волны. Но бог с ними, с американцами, вот англичане просят продать рецепт и технологию антигравитационных пластин, это действительно важно. И деньги предлагают хорошие, как сообщает милейший господин Витте.

Технологии продали за золото в 1905 году и в том же году провели реформу, заменив ненадёжные бумажные ассигнации серебряными монетами. Империя сделала ещё один широкий шаг к пропасти.

Серебро давно перестало быть просто деньгами, превратившись из обычного благородного металла в основу многих техномагических устройств, элементов защитной амуниции и прочего. Да что говорить, если броня новейших броненосцев покрывалась краской с высоким содержанием серебра, что гарантировало безопасность от снарядов с маго-химической начинкой. Но, увы, царящее в самых верхах империи убеждение, что Россия сильна как никогда и в ближайшее

время никто не посмеет бросить ей вызов, открыла русскому серебру широкую дорогу на Запад.

Русские рубли принимали в многочисленных казино Ниццы и прочих борделях Лазурного берега по столь приятно-му для путешественника курсу, что отдых за границей обходился в сущие пустяки, и даже можно было себе позволить недоступные в России излишества без особой нагрузки на кошелёк.

К гонке удовольствий и развлечений подключились целебные источники Бадена на Бадене и горячие купальни Карловых Вар. Они были столь любезны, что после неожиданного для государя Николая Александровича начала войны между Россией и объединённой Германо-Австрийской империей в союзе с Францией вывозили наших соотечественников через нейтральную Швецию за свой счёт.

Да, и в этом мире война разразилась в 1914 году, и поводом к ней стало убийство германского посла графа фон Альвенслебена, совершённое в Петербурге представителем организации «Социалистическая магия» Соломоном Розенблюмом. Сей господин после убийства благополучно скрылся в английском посольстве, где прожил до 1917 года, иногда покидая особняк с паспортом британского подданного Сиднея Рейли.

Война началась для России крайне неудачно. Под ударами немецко-австрийских и французских войск русская армия была вынуждена с тяжёлыми боями отступить из Поль-

ши и части Литвы, после чего на фронте на стороне противника появились польские добровольческие дивизии. Англия заявила о строгом нейтралитете и заняла позицию стороннего наблюдателя. Впрочем, они не отказывали в поставке товаров военного назначения, но требовали в уплату всё то же серебро.

После двух лет сплошных неудач император Николай Александрович потребовал решительным образом переломить ход событий, для чего издал указ о призыве на военную службу всех без исключения одарённых, невзирая на специализацию. И сам, как довольно сильный маг-целитель, отправился на фронт, где принял на себя тяжёлую ношу Верховного главнокомандующего.

Неимоверными усилиями и большой кровью удалось отбросить противника где на пятьдесят, где на сто вёрст, а в некоторых местах выйти на линию государственной границы. И тут полыхнуло внутри империи, ударив в первую очередь по императору.

Недовольство копилось давно. Недовольными были все, от армии до крупных промышленников. Первым надоела бессмысленная и беспощадная война, у вторых фабрики и заводы сидели на голодном пайке из-за отсутствия серебра и резкого падения доходов основной части покупателей. И крестьянство глухо ворчалось – после призыва на фронт почвоведов и погодников катастрофически снизилась урожайность, и на горизонте замаячила тень позабытого за полвека

сытой жизни голода. Но этим ворчанием можно было пренебречь, а вот армия и промышленники...

Кстати, они, будучи в большинстве своём одарёнными, на войну не попали, откупившись солидными пожертвованиями в Фонд обороны, коим заведовал князь Георгий Евгеньевич Львов. Для пущей сохранности средства фонда хранились в особняке на Дворцовой набережной в номере четвёртом, где по совершеннейшей случайности располагалось британское посольство. Мало ли на свете случайностей?

И вот в один далеко не прекрасный день близ станции Дно поезд Верховного главнокомандующего взлетел в воздух от сотни пудов заложенной на путях пироксилино-магической взрывчатки, после чего место крушения подвергли артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с дирижабля неизвестной национальной принадлежности. Император выжил благодаря мощным энергетическим щитам охраны и собственному таланту лекаря, позволившему пережить попавший в живот осколок, но угроза расстрелять взятую в заложники семью вынудила его подписать отречение.

На следующее утро газеты донесли до всех постановление нового правительства князя Львова о провозглашении республики. В состав правительства опять же случайным образом попал британский посол сэр Джордж Уильям Бьюкенен на правах министра без портфеля. Промышленников, принявших участие в перевороте, сердечно поблагодарили и сообщили о грядущей национализации всей промышленности

с передачей управления всё тому же Фонду обороны. Генералов, запятнавших честь взятием в заложники царской семьи, отправили в отставку без пенсии и права ношения мундира. А война продолжилась, быстро превращаясь в войну гражданскую.

Немецко-австрийско-французская коалиция воспользовалась моментом и перешла в наступление, вернув себе утраченные были позиции, и продвинулась вперёд, создав угрозу Петербургу, Киеву и Смоленску. В Закавказье в войну вступила Турция, так и не забывшая уничтожение своей столицы.

К лету 1917 года ситуация на фронтах обострилась настолько, что республиканское правительство России согласилось принять военную помощь от Англии и САСШ в обмен на некоторые территориальные уступки в Средней Азии и на Дальнем Востоке. По договору американцам отходили Чукотка, Камчатка с Курильскими островами и Сахалином, побережье Охотского моря на двести миль в глубину и Приморье с Владивостоком. Россия лишалась выхода к Тихому океану.

Англичане оказались скромнее и потребовали Туркестан и Баку, пообещав обсудить судьбу нефтепромыслов после победного окончания войны.

В сентябре 1917 года американские и английские войска заняли указанные в договоре территории, но начинать военные действия против Коалиции не торопились. Министр без

портфеля Бьюкенен так объяснил позицию своего государства:

– Поймите, господин Львов, мы бы рады помочь России, только пока не разобрались, какое именно из правительств её представляет в настоящее время.

В чём-то сэр Джордж был прав, потому что кроме республиканского правительства в Петербурге существовали ещё четыре – правительство национального спасения в Екатеринбурге, правительство монархического единства в Царичине, Стокгольмское правительство в изгнании и правительство провозгласившей независимость УНР. Все они, за исключением Стокгольмского, спешно организовывали собственные армии, а монархисты уже успели завязнуть в боях за Казань и Саратов с национальным единством.

Как часто бывает, главные события происходят после слова «вдруг». Вдруг откуда-то само собой возникло движение «Патриотическое большинство», возглавляемое действительным членом Академии наук Александром Ильичом Ульяновым, его младшим братом Владимиром – капитаном первого ранга и командиром крейсера «Аврора», и настоятелем храма Спаса-на-Крови отцом Иосифом.

Ульянов-старший не избежал призыва в армию, получив на плечи погоны генерал-лейтенанта, но никто так и не придумал, в каком качестве использовать академика. Полк под командование – слишком мало, а дивизий как бы не меньше, чем генералов. Так что оставили в столице на неофици-

альной должности советника военного министра А. Ф. Керенского. Младший Ульянов незадолго до этого привёл свой крейсер в ремонт после полученных при Моонзунде повреждений. Отца Иосифа отозвали с должности полкового священника в августе, как только стало известно о гибели матушки Екатерины, уехавшей повидать родственников в Тифлис и там убитой захватившими город турками. Дурная весть стоила немцам трёх обращённых в пепел батальонов, а русской армии двух генералов, Рузского и Алексеева, погибших от выброса некротической энергии сгоревших батальонов. Потому и списали священника в тыл, наградив солдатским Георгием.

25 октября вошедшая в Неву «Аврора» расстреляла Таврический дворец снарядами с маго-химической горючей начинкой, после чего силами Балтийского флота и прикнувших к «Патриотическому большинству» солдат гарнизона была произведена полная зачистка столицы от республиканцев и иностранных посольств. Утром 26 октября было объявлено о создании Переходного правительства и планируемом созыве Земского Собора для определения дальнейшего государственного устройства страны.

Спустя две недели под Нарвой объединившиеся в «Большой круг» руководители «Патриотического большинства» и сочувствующие движению одарённые нанесли сокрушительный удар по немецким войскам, превративший в выжженную пустыню бывшие Лифляндскую, Курляндскую и

Эстляндскую губернии, северную часть Ковенской губернии, половину Польши, Восточную Пруссию и примерно шестую часть коренных германских земель вместе с Берлином. От перенапряжения и посмертного выброса погибли братья Ульяновы, Мартов, генерал Батюшин, Свердлов, Плеханов, Кржижановский, княжна Гедианова, барон фон Таубе, князь Гагарин, братья князя Мышецкие и многие другие... девяносто семь человек.

Чудом уцелевший отец Иосиф два месяца восстанавливался от последствий некротического отката и истощения, но и будучи прикованным к постели, продолжил дело старших товарищей – 5 декабря 1917 года собрался Земский Собор, постановивший восстановить империю и избрать императора. Тогда же он снял с себя священнический сан.

Бывший государь Николай Александрович, освобождённый из Петропавловской крепости, категорически отказался выставлять свою кандидатуру и предложил избрать отца Иосифа. Предложение одобрили и проголосовали за него в тот же вечер. Корону принесли прямо в госпиталь, откуда выборные сбежали под градом грузинских и русских ругательств.

Тем временем обезглавленная Германо-Австрийская империя раскололась на несколько частей, объявивших себя независимыми государствами, и фронт рухнул. Отрезанные французские дивизии массово сдавались в плен, предварительно расстреляв и подняв на штыки представителей

немецкого командования. И все внезапно захотели мира.

Мирный договор подписали 8 марта 1918 года в Бресте-Литовском, без аннексий и контрибуций, но с обязательством всех участников бывшей Коалиции повернуть штыки против Турции.

В августе 1918 года Османская Порта перестала существовать, а проливы получили статус подмандатной российской территории.

Другие же самозванные правительства... с ними пришлось договариваться и делить сферы влияния. Но не власть, как бы на том ни настаивал глава Екатеринбургского Правительства Национального Спасения Лев Давидович Бронштейн.

Общими усилиями к началу 1922 года удалось выдворить английские и американские войска с удерживаемых ими территорий. И вроде бы наступил мир. Хрупкий, неустойчивый, готовый рухнуть от любого неосторожного движения.

Под давлением народных масс, выраженных в нескончаемых демонстрациях, император Иосиф Первый женился во второй раз в апреле 1920 года. Теперь, встречая бывшего государя Николая Александровича, он болезненно дергал щекой и здоровался:

– Здравствуйте... папа.

Потом привык.

Глава 1

– Прыгай, Васька! Прыгай, твою мать!

Голос командира полка вколачивался в мозг и больно отдавал в виски, отчего капитан Родионов морщился. Ответил сухими губами:

– Какая мать, товарищ полковник, я же детдомовский, – и добавил, исполнив появившуюся почти сразу же после появления в полку мечту. – И пошёл ты в жопу, Петрович!

Сегодня Василию Родионову можно так говорить. Сегодня ему можно всё! Ещё несколько минут ему можно всё, потому что под крыльями горящего самолёта лежит Ленинград, и нужно дотянуть хотя бы до Финского залива. А там...

Он дотянул. Но так и не прыгнул.

Бум-м-м... Невидимый воздушный кулак сшиб Василия с ног вместе с выставленным щитом под дружный смех класса.

– Плохо, Красный, очень плохо, – преподаватель самозащиты печально покачал головой. – Вас, Красный, как будто подменили. Неужели вы забыли, что принятую на щит энергию не нужно пытаться отбить, сил всё равно не хватит, её необходимо перенаправить хотя бы в землю. На прошлой неделе у вас прекрасно получалось даже пополнить свой резерв за счёт энергии удара, а нынче... Что с вами, Красный?

Василий поднялся, отряхивая травинки с гимнастических штанов, и молча развёл руками. А что отвечать? Что его

действительно подменили и что падающий в горящем истребителе двадцатипятилетний капитан внезапно очнулся подростком неполных четырнадцати лет? А тут ещё магия эта чёртова. Память от предыдущего владельца тела есть, а навыки отсутствуют.

Кстати, о прежнем владельце... У Василия Родионова волосы дыбом встали, когда он далеко не прекрасным воскресным утром спустился к завтраку и увидел за столом мирно беседующих отца и деда. Так-то точно знал и за прошедшую бессонную ночь знания твёрдо улеглись в голове, но всё равно встал в дверях как вкопанный, беззвучно открывая рот и хлопая глазами. Хотел сослаться на головную боль и сбежать, но дед взглядом опытного целителя просветил внука насквозь и спросил у отца:

– Иосиф, какое наказание полагается за враньё императору?

Можете представить реакцию комсомольца на тот факт, что его дедушкой является бывший император Николай Второй, а отцом сам товарищ Сталин, но почему-то тоже император, но без знаменитой фамилии? Куда она подевалась?

Впрочем, в гимназии для одарённых имени Александра Ульянова Василий был известен под фамилией Красный. О происхождении ученика знал только министр народного просвещения граф Луначарский, директор гимназии Антон Семёнович Макаренко и лучший друг Василия, он же названный брат Артём Сергеев. Но с этим понятно – после гибели

ли Сергеева-старшего во время испытания подводной лодки маленький Артём был усыновлён императором и воспитывался с его собственными детьми.

А вот сестра Светлана у Васьки Красного отсутствовала. Память капитана Родионова упрямо твердила, что была такая, но вот нет её, и всё. Младший брат Владимир есть, сёстры Машка и Сашка есть, но больше точно никого. Ещё дядя Алексей, но ему уже за тридцать, он генерал ВВС и командует целой дивизией дирижаблей на Дальнем Востоке, из-за чего очень редко приезжает домой.

Сам Василий тоже бывает дома только по выходным да большим праздникам, а обычно живёт на съёмной квартире по соседству со знаменитым литератором Максимом Горьким и под его же присмотром. По одной из версий, Горький опекает своего внебрачного сына, но по каким-то причинам не может признать его. Литераторам, как людям творческим и не от мира сего, прощается многое, а наличие одарённого сына и не грех вовсе. Тем более в лучшую столичную гимназию отпрыска определил.

Гимназия и в самом деле считается лучшей не только в столице, но и во всей империи. Сюда стараются определить своих детей как старые аристократические фамилии, так и новая аристократия, появившаяся после Великой Октябрьской Реставрации. Князья Оболенские, Трубецкие, Гагарины, Долгоруковы и прочие. Графы Бронштейны, Микояны, Кагановичи, Маленковы и другие. Бароны Тухачевские, Бу-

харины, Зиновьевы, Маяковские и так далее. Куда ни плюнь, везде благородная кровь, и лишь Васька Красный плебейским бельмом на голубом глазу патрициев. Нужно ли говорить, что отношения с большинством одноклассников не сложились?

Зато Артёма Сергеева чуть ли не с головы до ног облизывают. Он под своим именем, усыновление императором Иосифом Первым не скрывает и носит прозвище «вице-принц», над чем друзья втихую потешаются. Как и потешаются над потугами разрушить непонятную никому дружбу Артёма с «безродным побродяжкой». За глаза так называют, а в лицо не осмеливаются. Знают, что потом в собственное лицо может прилететь крепкий и твёрдый кулак.

Вообще-то всем известно про цесаревича Василия, но, по слухам, он обучается в закрытом учебном заведении при Троице-Сергиевой лавре и будет представлен обществу лишь по достижении четырнадцати лет. С Красным его никто не связывал.

– Красный, вы меня не слушаете, – голос преподавателя самозащиты вырвал Василия из воспоминаний.

– Я слушаю, Викентий Борисович.

– Да? – удивился преподаватель, но не стал уличать ученика в обмане и повторил задание: – Вы сейчас бьёте по мне воздушным кулаком, а потом внимательно пересматриваете мои действия по отводу энергии в землю. Всё понятно?

Прокручивать в памяти когда-нибудь увиденное в режиме

замедленного времени учили с детства, а недавние события можно было вообще разбить на отдельные кадры как киноплёнку. И Василий кивнул:

– Понятно, Викентий Борисович. А бить как, в полную силу?

– Как вам заблагорассудится. Не забывайте, я хоть и в отставке, но всё же штабс-капитан.

Российские одарённые получали классные чины в соответствии с «Табелем о рангах» Петра Первого после экзамена, где, кроме голой силы и объёма внутреннего резерва, учитывалась способность управлять тем и другим, приходящая только с опытом. Любой титулярный советник легко запинает коллежского регистратора, пусть даже у того дурной силы на двух генералов хватит. Так что не гимназисту тягаться со штабс-капитаном.

Вася и не думал тягаться, просто швырнул в преподавателя сгусток спрессованного до состояния камня воздуха, но потом... Дело в том, что воздушный кулак невидим до тех пор, пока не расплещется о выставленный щит, но Василий почему-то его видел мерцающим шаром величиной с футбольный мяч. А увидев, решил попробовать им управлять. Почему бы нет? Это же не девятнадцатый МиГ и даже не семнадцатый.

Воздушный сгусток заложил вираж, обходя преподавателя слева, пару раз рыкнул на курсе, а потом мощно ударил Викентия Борисовича ниже пояса, отчего тот покати

кубарем и остановился лишь после того, как затормозил головой о бетонную стену тренировочной площадки.

Что делать дальше, Красный сообразил быстрее всех:

– Кто у нас целитель? У нас есть целители, мать вашу так?

Покрасневшая от грубых слов Верочка Столыпина, обладавшая самым сильным в классе целительским даром, бросилась к Викентию Борисовичу, но тот уже самостоятельно сел у стены, обхватив обеими руками голову, и недоумённо смотрел на Василия.

– Что это было, Красный? Вы можете объяснить?

Вася пожал плечами:

– Воздушный кулак, как и просили. А что не так?

Преподаватель с трудом поднялся на ноги и с кряхтением потёр поясницу. Ниже тереть не стал из соображений приличия.

– Да, всё так. И занятия на сегодня закончены. Все свободны, господа гимназисты. Да, и госпожи гимназистки тоже свободны.

Видимо, он так и не привык, что после принятия решения о совместном обучении в гимназии появились ученицы. А ведь два года уже прошло.

На перемене Артём Сергеев первым делом повторил вопрос Викентия Борисовича:

– Что это было, Красный?

Вася не успел ничего ответить, потому что за спиной слышался сочащийся ядом голос:

– А это, господин Сергеев, было ещё одно подтверждение тезиса о том, что при наличии силы ум не обязателен.

Яшенька Бронштейн, ну как же без него! Обладая довольно посредственным даром, Яша полагает себя утончённым интеллектуалом, для чего носит пенсне в подражание деду, но с простыми стёклами. Но уверяет, что силой ума способен достичь больших высот без поддержки семьи, и даже требует называть его не Бронштейном, а Троцким, намекая на происхождение от старой польской аристократии. К Красному Яша почему-то испытывает ненависть, скорее всего инстинктивную.

И тут комсомольская душа капитана Родионова не выдержала. В мужской раздевалке, где переодевались из гимнастической формы в повседневную гимназическую, девочек нет, так что можно не стесняться. Пробив Яше в печень, Вася взял скорчившегося от боли Бронштейна-Троцкого за буйную шевелюру и пару раз сильно впечатал его лицом в стену:

– Ты куда лезешь, проститутка политическая? Ледоруба захотелось попробовать, Иудушка?

Яша мычал что-то нечленораздельное и не пытался сопротивляться. И на следующем уроке он отсутствовал.

Следующим уроком оказалось военное дело, обязательное к изучению во всех гимназиях, училищах и школах Российской империи. В армию пойдут единицы, но хоть какое-то представление о ней должен иметь каждый! Особенно одарённый.

Преподаватель в мундире с погонями подполковника. На столе сабля с «клюквой», на груди белый эмалевый крестик. Слегка прихрамывает на левую ногу, что говорит о более чем серьёзном ранении. Целители творят настоящие чудеса, и уж если они не смогли полностью излечить...

– Итак, господа, – преподаватель взял в руки указку и постучал по развешенным на доске плакатам, – сегодня мы поговорим о новейших разработках вооружения, которое в самом ближайшем будущем начнёт поступать в нашу армию.

– Секретность? Нет, не слышали, – пробурчал себе под нос Василий, но был услышан.

– Вы что-то хотите сказать, Красный?

Вася поднялся с места и бодро отрапортовал:

– Так точно, господин подполковник! Хочу выразить недоумение по поводу несоблюдения режима секретности!

Преподаватель улыбнулся:

– Понятно. Садитесь, Красный. Ваше замечание интересно, но на него давно существует ответ – народ Российской империи должен знать, что для его защиты применяется всё лучшее и передовое.

– А потенциальные противники? – не унимался Вася.

– Как вы сказали? Потенциальные противники? Ёмкое и меткое определение, не несущее в себе ярко выраженной негативной нагрузки. Так вот, Красный, этот противник должен знать, что в случае агрессии его ждёт сокрушительный отпор, опирающийся на последние достижения маго-техни-

ческой мысли. Вот что вы видите на этом плакате?

Василий присмотрелся и обомлел. На плотном картоне в красках был изображён презерватив, поставленный на два велосипедных колеса и снабжённый бойницей в передней части. Вслух это произнести он не решился.

Но подполковник и не ждал ответа.

– Перед вами передвижная боевая капсула разработки конструкторского бюро генерал-лейтенанта барона Тухачевского, предназначенная для прорыва обороны противника в условиях плотного ружейного и пулемётного огня. Противопульное бронирование гарантирует защиту располагающегося в капсуле солдата, а снабжённая бронезаслонкой амбразура позволяет вести ответный огонь.

Василий прикинул размеры колёсного бронепрезерватива и задал очередной вопрос:

– Господин подполковник, но солдат будет внутри только по пояс, а как же всё остальное?

– А остальным, Красный, он толкает капсулу вперёд.

Приплыли... После столь исчерпывающего ответа вопросов больше не осталось. Осталось недоумение. Неужели никто не видит, что в качестве новинки предлагается откровенно вредительское устройство? Какой прорыв обороны, если солдат в этом... хм... в этой половинке гроба на колёсиках сможет поползти лишь до ближайшего окопа? А если минные поля или просто проволоочное заграждение?

Но тут на доске появился новый плакат, до того скрывав-

шийся под изображением бронекансулы.

– Обратите внимание на это, господа гимназисты, – подполковник обвёл класс взглядом и привычно поправился: – Да, и гимназистки. Кто мне скажет, что это такое?

Артём незаметно ткнул Васю локтем, чтобы тот не вылез со своим особым мнением, и поднял руку:

– Разрешите, господин подполковник?¹

– Слушаю вас, Сергеев.

– На плакате миниатюрный дирижабль. Судя по всему, экипаж состоит из двух или трёх человек. Возможно, предназначен для борьбы с дирижаблями противника и воздушной разведки.

– Правильно, господин Сергеев! Мы видим перед собой малый многоцелевой дирижабль-истребитель, способный тихо и незаметно подкрасться к любому воздушному объекту противника и нанести мощный удар в уязвимые точки тремя пятилинейными пулемётами. А что скажет по поводу этой техники наш признанный эксперт по военному делу господин Красный?

В классной комнате послышались смешки, но Василий не смутился. Встал, ещё раз внимательно посмотрел на плакат с истребителем и высказался:

– Замечательная техника, господин подполковник! Но

¹ По неписаным правилам приличия к штабс-капитанам и подполковникам принято обращаться без приставки. Назвав преподавателя точным званием, Василий обидел его. Ничего страшного, но осадочек остался.

очень надеюсь, что в случае войны нам дадут другую, а изобретателя этого недоразумения подведут к ближайшей стенке, где вложат в голову хоть немного ума. Думаю, девяти граммов будет достаточно.

Подполковник побагровел, задыхаясь от гнева, но сдержал недостойные эмоции и сказал преувеличенно весёлым голосом:

– Садитесь, Красный. И слава богу, что государь-император не прислушивается к вашим советам, потому что истребитель конструкции господина Гроховского уже прошёл испытания государственной комиссии, и заводы графа Бронштейна получили заказ на изготовление полутора тысяч этих замечательных аппаратов. Надеюсь, что кто-нибудь из вас будет не только летать на них, но и командовать истребительными полками, а то и дивизиями.

И многозначительно посмотрел на Артёма, чьё стремление служить в Военно-воздушных силах не являлось секретом.

После урока Артём Сергеев отвёл Василия в сторону, чтобы никто посторонний не смог услышать:

– Ну ты, Вася, и выдал! Тебе чего истребители не понравились?

– А тебе понравились летающие гробы? Нам с тобой, Артём, на этом говне в бой идти.

– Нам? – удивился названный брат. – Ты же на флот собирался, как Владимир Ильич Ульянов.

– Передумал.

– Ага, так вот почему всю последнюю неделю ты сам на себя не похож.

– Детство закончилось, Артём, – пожал плечами Василий и поспешил перевести разговор на другую тему. – В Военно-воздушные силы пойду, но на гробах летать не буду! Неужели не ясно, что у них ни скороподъёмности, ни маневренности, ни скорости? А с тремя пулемётами только на ворон охотиться.

– Ну не скажи, пять линий калибра кому хочешь прикурить дадут.

– Если их подпустят на расстояние выстрела.

– А чего бы не подпустить? Одновременная атака пятидесяти таких истребителей любой «Цеппелин» в клочья порвёт.

– Назад сколько вернётся?

– Кого?

– Истребителей.

– Ну, я думаю...

– Не думай, Артём. Там в самом лучшем случае вернётся половина, и получится, что мы разменяли двадцать пять опытных лётчиков на один вражеский летающий гондон. Заметь, я ещё не посчитал других членов экипажа.

Артём улыбнулся образному сравнению германского дирижабля с весьма известным предметом и возразил:

– А у немцев экипажи под две сотни человек.

– Ну хорошо, – вздохнул Василий, – зайдём с другой стороны. Сколько дирижаблей у нашего вероятного противника?

– Согласно справочникам, на январь этого года у Франции двадцать два, у Австрии шесть, у Южно-Германской республики тоже шесть, у Венгрии и Чехии по два, у англичан двадцать восемь, а у САСШ пятьдесят три. У остальных или нет ничего, или такое старьё, что учитывать стыдно.

– Итого, против нас теоретически могут воевать сто девятнадцать дирижаблей. Готов разменять их на жизни почти трёх тысяч наших лётчиков?

Артём оторопело захлопал глазами, видимо, тоже производил в уме подсчёты, а потом снова возразил:

– А что, зенитки без дела будут стоять? Да с бомбардировочных и штурмовых дирижаблей огонь вести станут.

– Хорошо, пусть даже половина достанется истребителям, легче станет? Тысячи гробов, Артём, и все на твоей совести.

– Почему на моей?

– Да потому что тебе это говно нравится, и ты собираешься им командовать.

В этот момент проходивший мимо преподаватель словесности окликнул Василия:

– Красный, вас срочно вызывают к директору!

Статский советник Антон Семёнович Макаренко имел вид одновременно усталый и взвинченный. В ответ на приветствие махнул рукой на стул, приглашая присесть напро-

тив. И долго молча протирал стёкла очков в простой железной оправе. Вот странно, целители вроде бы любой дефект зрения за пару часов исправят, но все упорно носят очки и пенсне. Вцепились в них, будто раскольник в право креститься двумя перстами, и отказываться не желают.

– Ты знаешь, что сказали в медицинском кабинете?

– Что шрамы украшают мужчину, а не Бронштейна?

– Не дерзи, Василий, – нахмурился Макаренко. – Там сказали, что травмы нанесены без применения магической силы, и это снимает с тебя часть вины. Ты о чём думал, разбивая морду Бронштейну-младшему? Это риторический вопрос, можешь не отвечать. Но мне только что звонил его девушка.

– Требуется моей крови?

– Крови не крови, но орал в трубку, чтобы тебя немедленно исключили из гимназии.

– А вы?

– Из гимназии, как с Дона, выдачи нет. И заметь, Василий, я тоже не люблю этих примазавшихся к Великой Октябрьской Реставрации приспособленцев, но не бью им морды, как бы мне этого ни хотелось. Есть определённые правила, и их следует соблюдать. Гимназия – нейтральная территория, на которой недопустимы подобные эксцессы.

– А как только выйду...

Макаренко развёл руками:

– Злопамятность графа Бронштейна уже вошла в поговор-

ку, и на твоём месте я бы поостерёлся. Люди Власика сопровождают тебя от квартиры до гимназии и обратно?

– Да, – кивнул Василий. – Они так старательно маскируются под случайных прохожих и попутчиков в трамвае, что не заметить их довольно сложно.

– Эх, Вася, насколько было бы проще, учись ты здесь под своей фамилией. Привозят на блиндированном автомобиле, увозят на нём же. Полусотня казаков в сопровождении опять же.

– Передвигающийся со скоростью лошади автомобиль – прекрасная цель и мечта любого террориста.

– Да откуда у нас террористы? Мы же не Англия какая, где по улицам ирландцы с бомбами за пазухой бегают толпами, – Макаренко опять протёр стёкла очков и продолжил: – Ты давай домой иди, а преподавателя словесности я предупрежу. А завтра, глядишь, скандал если и не уляжется, то во всяком случае все поостынут и не станут принимать скоропалительные решения.

– А могут?

– Сам подумай – вчерашний безродный простолюдин, а ныне личный дворянин Красный разбил морду и пенсне единственному внуку графа Льва Давидовича Бронштейна! Это же потрясение основ!

– То есть, – усмехнулся Василий, – наследник Бронштейнов настолько слаб, что не смог ничего сделать и получил в рыло? Нет, Антон Семёнович, мне почему-то кажется, что

не в их интересах раздувать скандал.

– Может быть, – кивнул директор гимназии. – Если только не найдутся доброхоты, решившие оказать услугу влиятельному графу. Дураков, Вася, не сеют, они сами рождаются.

В трамвае Василий ехал один. То есть не один в пустом вагоне, а без сопровождающих из дворцовой полиции, подстраивающихся под расписание занятий подопечного. Естественно, они и предположить не могли, что Вася покинет гимназию на полтора часа раньше.

А ещё греет душу понимание полной свободы, когда любовью твой шаг не фиксируется и о нём не докладывают на самый верх. Хотя в пивнушку иди, всё равно никто не узнает.

Но ни в какие пивнушки, конечно же, не пошёл. Выскочил из трамвая на ходу, вызвав возмущённый крик кондуктора, и нырнул в арку проходного двора. От остановки лишних пять минут топать, а тут напрямик совсем ничего, рукой подать до доходного дома генеральши Брешко-Брешковской, где Вася и квартирует.

– Эй, гимназист, закурить не найдётся? – две тени отлипли от стены и перегородили дорогу. Сзади тоже кто-то затопал ногами, отрезая пути к отступлению. – Угости табачком страждущих, а если рублём одаришь на пропой души, то во век благодарны будем.

Страждущий имел вид неприглядный, но перебрасывал из руки в руку светящийся шарик размером с крупный апельсин. Одарённый занимается гоп-стопом, что за чушь?

– Дяденьки, я же не курю, – прикинулся валенком Вася, благо бывшему детдомовцу Родионову такая ситуация была не впервой. – А рубль сейчас дам.

– Рубль на пропой, а остальное на папиросы, – ухмыльнулся бандитствующий одарённый. – Кошелёк давай, щенок!

– Сейчас достану, дяденька! – Василий расстегнул крючки гимназической шинели и полез за пазуху. – Вот он, возьмите, пожалуйста! Там пятьдесят рублей!

Браунинг подарил на прошлый день рождения начальник дворцовой полиции генерал-майор Николай Сидорович Вла-сик. Отец тогда понимающе улыбнулся в усы, мама с бабушкой чуть не упали в обморок, а успевший к тому времени принять шесть рюмок шустовского дед хлопнул Василия по плечу и заявил, что если бы в семнадцатом году у него была такая машинка в кармане, то хрена бы он подписал отречение. Ну а глушитель на браунинге появился три дня назад. А перед выходом из гимназии почему-то захотелось дослать патрон.

Хлоп! Посеребрённая пуля с сердечником из карбида вольфрама пробивает энергетический щит до шестого класса включительно, а бандит его вовсе не ставил.

Хлоп! Хлоп!

И в затылок убегающему грабителю... Хлоп!

А теперь ходу отсюда, пока на посмертный выброс не набежали городовые, набираемые в большинстве своём из слабых одарённых нижних чинов. И гильзы подобрать и спря-

тать в карман. И запустить «Пустынный ветер», надёжно стирающий как материальные, так и эфирные следы. В гимназии такое не изучают, но дядя Алексей как-то показал несколько приёмов из арсенала зафронтной разведки. Василию Красному они не давались, а Василий Родионов оценил и после нескольких тренировок усвоил на хорошем уровне.

Глава 2

Квартира у Василия на третьем этаже, почти дверь в дверь с апартаментами Максима Горького. Но с заработками писателя можно себе позволить роскошное жильё, а у Васи оно снято на казённые деньги, поэтому огромными площадями похвастаться не может. Всего одна спальня, кабинет, гостиная, библиотека, крохотный зал для спортивных занятий да комната для охраны, оккупированная сменным караулом из дворцовой полиции. Горничная и кухарка приходящие и здесь не проживают. Впрочем, при желании перекусить во внеурочное время к услугам жильца огромная кухня и забитый вкусностями электрический ледник. Стараниями охранников продукты в нём регулярно обновляются, потому всегда свежие.

Дома Вася поздоровался с выглянувшими из своего закутка орлами Власика, прошёл на кухню, где поставил чайник на появившуюся совсем недавно новинку – газовую плиту, а сам пошёл чистить пистолет. Нечищенное после стрельбы оружие, это как ветчина по субботам на столе раввина – событие фантастическое.

После чистки прилёг на диван и незаметно для самого себя уснул. Наверное, сказалось нервное напряжение после встречи с бандитами. Нет, никаких душевных терзаний в духе героев Достоевского, но всё равно...

Разбудил его деликатный стук в дверь кабинета:

– Василий Иосифович, чайник в четвёртый раз засветел, – доложил охранник. – И там это, барышни к вам пришли.

– Там, это где?

– Да в гостиной хозяйничают. Я им сказал, что вы заняты, а они с пирожными. Разве можно не пустить барышень с пирожными?

Вася бросил взгляд на запястье. Ого, три часа подушку давил! И кого там нелёгкая принесла? Если тётки по материнской линии, то давно уже не барышни. Если младшие сёстры, то охрана их в лицо знает.

– Сейчас буду, только переоденусь.

Выходить к гостям в гимназической форме, помятой от сна на диване, дурной тон и верх неприличия. Это к Алексею Максимовичу можно по-соседски завалиться в халате и тапочках на босу ногу и самого его застать в рубашке с чернильными пятнами на рукавах.

В гостиной ждал сюрприз. Даже три смущающихся и краснеющих сюрприза – Верочка Столыпина, Катя Орджоникидзе и Лизонька Бонч-Бруевич. На столе вместо чайника красовался пузатый самовар, расставлены розетки с вареньем и мёдом, насыпаны в вазочку шоколадные конфеты, а по центру огромный фарфоровый поднос с эклерами, не иначе как микояновскими.

И зачем одноклассницы заявили? В гимназии, можно

сказать, внимания не обращают, а тут целой толпой. Адрес откуда узнали?

– Красный, мы всё знаем! – выпалила Верочка Столыпина.

– Да-да! – поддержали её Катя с Лизой.

Василий ухмыльнулся:

– В таком случае, госпожа Столыпина, приведите мне доказательство теоремы Ферма.

Верочка округлила глаза, а Катерина с Лизаветой за её спиной тихонько захихикали. И Васе пришлось брать командование в свои руки.

– Итак, давайте всё сначала, – Красный поочерёдно обозначил поцелуй тонких пальчиков каждой девочки, не касаясь губами. – Позвольте представиться, о прекраснейшие сударыни! Василий Красный, для друзей просто Вася. Мы же друзья?

– Э-э-э...

– Прочие ко мне домой не приходят.

– Меня тоже просто Верой называй, – выдохнула Столыпина и опять покраснела. – И да, мы друзья.

– Лиза.

– Катя.

– Ну вот, с официальной частью закончили и можем со спокойной душой перейти к чаепитию. Заодно и расскажете, что именно вы про меня знаете.

– Мы знаем всё! – с торжеством в голосе произнесла Ве-

рочка. – Нам Артём Сергеев рассказал.

Василий мысленно обматерил названного брата, пожал плечами и сознался:

– Ну да, я великий князь и цесаревич, сын императора Иосифа Первого.

– Глупая шутка, и совсем не смешная, – обиделась Столыпина. – А ещё другом назвался. Такими вещами, Вася, лучше вообще не шутить.

– Извини, – Василий склонил голову и с трудом сдержал вздох облегчения. – Просто я не знаю за собой ничего такого, про что мог бы рассказать Артём.

– А с Бронштейном?

– Что с Бронштейном?

Лиза Бонч-Бруевич погрозила пальчиком:

– Излишняя скромность сродни гордыне. Кто вступился за честь императора и начистил Яшке рыло?

– Лизавета! – одёрнула её Верочка. – Разве можно в приличном обществе говорить слово «рыло»? Лицо, или в крайнем случае морда.

Лиза смутилась, но в её защиту выступила Катя Орджоникидзе:

– Можно такое слово говорить! Это вот у Васи лицо, а у Яшки натуральное рыло.

Пока девочки спорили, Василий разлил чай и попросил гостей присаживаться. Катя села справа, Вера слева, а Лиза после недолгого раздумья заняла место с противоположной

стороны стола лицом к Васе.

– Извините, отвлёкся... Так что, Лиза, ты говорила про защиту чести государя императора?

– Всем известно, что у императора Иосифа самые высокие показатели силы, – терпеливо пояснила Лизавета. – А Яшка сказал, что если сила есть, то ума не надо. Ты заступился за честь государя, Вася, и мы тобой гордимся. Ты поступил, как настоящий большевик!

– Кха... – Василий подавился чаем и долго откашливался, пока Катя не догадалась постучать его по спине. Своим ушам он не поверил и на всякий случай переспросил: – А почему как большевик?

– Потому что большевики за справедливость! – Лиза гордо выпрямилась на стуле. – Мой дедушка вступил в «Патриотическое большинство» ещё при жизни Александра Ильича и Владимира Ильича, и если бы не тиф, он бы тоже был в том «Большом круге».

– И мой дедушка большевик.

– И мой папа!

Ага, с большевиками понятно. У товарища Сталина, пардон, императора Иосифа есть партия, через которую он контролирует... Ну да, министр земледелия и землепользования Столыпин, начальник Главного штаба полный генерал Бонч-Бруевич и министр энергетики и электрификации князь Орджоникидзе. Наверняка ещё много чего контролирует, но это пока не известно. Но военная промышленность

под Бронштейном. Или не вся? Чёрт возьми, уже неделю здесь, а газеты почитать не удосужился.

– Я рассказала дедушке, – улыбнулась Верочка, – и в случае вызова на дуэль он готов быть твоим секундантом.

– Дуэль?

– А что такого? Он хоть и графёныш, но и ты, как одарённый, являешься личным дворянином. Так что не переживай, здесь всё честно.

Лиза откусила половинку эклера, а другой половинкой показала на Веру Столыпину:

– Почему ты думаешь, что Яшка пришлёт вызов? Он же слабосилок.

– Его дед заставит.

– Рисковать единственным внуком? Нет, Верочка, ты слишком хорошо о нём думаешь.

– А если не рискнёт, то ему откажут от дома почти все приличные семейства, а это удар по репутации. И военное министерство сто раз подумает, прежде чем разместить заказы на его заводах. Какой внук, девочки, если кошелёк в опасности?

– Или заместителя выставит, – рассудительно заметила Катя Орджоникидзе. – Тоже пятно на репутации, но уже не позор.

– Какое варварство, друг друга железными вертелами тыкать, – вздохнул Красный.

– Яшка шпагой не владеет, – ответила Верочка. – И вооб-

ще, Вася, прекрати называть славные традиции варварскими, ты ведь тоже дворянин.

– Нет, шпага и Бронштейн понятия несовместимые. Он пистолеты выберет. Вася, ты стрелять умеешь? – Лиза Бонч-Бруевич внимательно посмотрела на Василия. – Если что, я попрошу дедушку подыскать тебе хорошего инструктора для пары уроков. Попросить?

– Да я стрелял несколько раз, – Василий не стал уточнять, когда он стрелял и в кого.

– Ага, тогда справишься, – кивнула Лиза. – Тогда расскажи что-нибудь интересное, а то ждать ещё долго и...

– Кого ждать?

– Вызова на дуэль, кого же ещё? Сегодня обязательно придут.

– Почему не завтра?

– Так завтра суббота.

– И что?

– Бронштейны по субботам вызовы не присылают.

И действительно, не прошло и трёх часов, как в дверь позвонили два солидных господина с толстыми кожаными портфелями в руках и назвались секундантами. А ещё через полчаса подъехали вызванные внучками по телефону секунданты Василия – Пётр Аркадьевич Столыпин и Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич. Красного с девочками выдворили в библиотеку и после долгого утрясания мелочей и подробностей объявили – дуэль на пистолетах состоится в вос-

кресенье в десять часов утра. Оружием будут армейские ТТ, выбираемые наугад из десятка предложенных. У каждого дуэлянта есть право на один выстрел, использование дара не допускается.

Остаток вечера и половину ночи Василий провёл в ожидании звонка из Зимнего дворца. Императору наверняка доложили о предстоящей дуэли, и оставить это без внимания он не может. К вопросу безопасности наследника Иосиф Первый относился очень серьёзно, а на режим инкогнито Васю перевели после гибели старшего брата Якова от магически изменённой жёлтой лихорадки, не поддающейся лечению ни силами целителей, ни традиционной медициной с порошками и микстурами. Подозревался злой умысел, и кое-какие следы вели к Ла-Маншу и через него, где и обрывались в связи с исчезновением подозреваемых, как в воду канувших. Наверное, так и было – мутные и зловонные воды Темзы скрыли величайшее множество тайн, а с камнем на шее не выплывешь и не расскажешь о них.

Но телефон молчал, и в половине третьего Красный пошёл спать. Занятия в гимназии не может отменить никакая дуэль, а опоздание считается верхом неприличия.

В то же самое время в помпезном особняке на набережной Фонтанки тоже шло совещание. В кабинете хозяина дома присутствовали всего три человека – сам граф Лев Давидович Бронштейн, бывший председатель Екатеринбургского правительства, ныне промышленник и владелец полови-

ны военных заводов империи, вторым был толстяк с круглым лицом, просивший называть его Евгением Филипповичем, он же глава службы безопасности и специалист по решению деликатных проблем Евно Фишелевич Азеф. Двое разговаривали, не обращая внимания на третьего, скромно притулившегося на табуреточке возле огромного стола. Яша Бронштейн, будучи виновником позднего совещания, во взрослый разговор не вмешивался.

– Евно, ты нашёл заместителя, который будет стреляться вместо этого малолетнего шлемазла?

Тут уже Яша не выдержал:

– Дедушка, я сам пристрелю безродного выскочку!

– Помолчи! – рявкнул Лев Давидович. – Во-первых, пристрелить насовсем правила дуэли не позволят, а во-вторых, ты уже сделал всё, чтобы поставить меня в дурацкое положение! Сколько раз тебе говорил, что в гимназии ты должен заводить полезные связи, а не хвалиться моим богатством и положением. А что делаешь ты? Вот скажи, что ты делаешь в гимназии?

– Я хочу лично в него выстрелить! – заупрямился Яша. – Пусть не до смерти, но лично! Я должен сам, дедушка!

– Ты пистолет когда-нибудь в руках держал?

– Как-нибудь справлюсь. Красный тоже никогда не стрелял. Только из винтовки на занятиях по военному делу.

– Не стрелял, говоришь? – граф Бронштейн нервно дёрнул себя за бородку. – Расскажи ему, Евно.

Азеф поклонился графу, не вставая с кресла, и неприятно ухмыльнулся:

– Я бы не стал утверждать, что господин Красный не владеет пистолетом. Вчера после вашего звонка многоуважаемому Льву Давидовичу я послал четверых одарённых к дому генеральши Брешко-Брешковской, где тот квартирует, и поручил донести до господина Красного мысль о недопустимости рукоприкладства по отношению к высокопоставленным особам. Согласитесь, нельзя посылать вызов человеку со сломанными руками и ногами. Вы бы выразили сочувствие, послали бы в больницу букет роз и корзину с апельсинами, и конфликт был бы исчерпан. За три дня его бы, несомненно, вылечили, но... Да, людям приятнее помнить ваше великодушие и человеколюбие, а не разбитое лицо. Так вот, мой осведомитель в полиции сообщил, что посланные люди найдены мёртвыми в проходном дворе неподалёку от квартиры Красного. На его излюбленном маршруте, так сказать.

– И? – подался вперёд Яша.

– Все четверо были застрелены, причём пули попали в головы, не оставив ни единого шанса. Мы не знаем, кто стрелял, так как следов не осталось, но все подозрения падают на Красного.

– Вот пусть бы полиция его арестовала за убийство.

– За тех людей ему медаль дадут, – хмыкнул Азеф. – У двоих побег с пожизненной каторги, да и другие два...

– Понял, шлемазл? – граф Бронштейн строго посмотрел

на внука. — Несмотря на все меры безопасности, дуэли между такими вот сопляками дают около половины процента смертельных случаев, и мы не можем рисковать твоей жизнью. Лучше я сам тебя удавлю, маленький засранец!

Яша сжался на своей табуретке, а Азеф продолжил:

— А в качестве кандидатуры заместителя на дуэли осмелюсь предложить известную вам Фанни Каплан.

— Эта дуручка ещё жива? — удивился Лев Давидович. — Её увлечение боевой химией стоило мне сгоревшей лаборатории.

— Жива, но почти потеряла зрение. Целители разводят руками и ничего не могут поделать.

— Евно, и зачем она такая на дуэли? Над нами будет смеяться весь Петербург.

— Нет, Лев Давидович, это над безродным будут смеяться даже в случае победы. Подозреваю, что именно победа окажется самым смешным.

Граф Бронштейн снял пенсне и потёр лицо ладонями, стирая накопившуюся за день усталость:

— Подумать только, вместо того чтобы решать судьбы страны и целых народов, я вынужден решать проблемы малолетних идиотов. Скажи, Евно, об этом ли мы мечтали, свергая ненавистный царский режим и создавая собственное правительство? Хм... Яша, ты это не слышал!

В гимназии Василий появился без опозданий. Его режим дня вообще не предусматривал возможности проспать

– подъём в пять часов утра, холодный душ, разминка, полу- часовая тренировка с одним из охранников, горячий душ, завтрак, и в восемь пятнадцать трамвай на остановке. Обои, и Красному и Родионову, такой режим нравился.

На улице перед входом в гимназию то и дело останавливались солидные, блестящие от хрома и лака автомобили, откуда так же солидно выбирались гимназисты и гимназистки. Отпрыски не самых последних семейств империи не могли себе позволить поездку в трамвае.

Василий не торопился, пропуская вечно спешащую мелкоту из младших классов. И разумная осторожность – десяток первоклашек вполне способен затоптать случайно оказавшегося на дороге слона.

– Вася, вот ты где! – звонкий девичий голос за спиной заставил обернуться. Ну конечно же, три подружки-большевички собственными персонами. – Вася, а мы тебя ждём.

И тут случилось нечто, потрясшее основы мироздания. Верочка Столыпина, признанная красавица, неприступная, как Малахов курган, сделала шаг вперёд и у всех на виду поцеловала Красного в щёку.

– Госпожа Столыпина! – вопль преподавательницы немецкого языка, старой девы со следами былой красоты, мог бы вызвать шторм в средних размеров море. – Вы совсем забыли о приличиях, госпожа Столыпина!

– Она ещё вчера решила это сделать, – наябедничала Катя Орджоникидзе. – А нам завидно!

С этими словами Катерина чмокнула Василия в другую щёку.

– Княжна, что вы себе позволяете?

Но окончательно добила госпожу Крупскую Лиза Бонч-Бруевич. Так как щёки Красного уже горели отпечатками помады, она обвила Васю руками за шею и поцеловала в губы. Надежда Константиновна ахнула, схватилась за сердце и рухнула на руки подоспевшему Викентию Борисовичу. Преподаватель самозащиты подмигнул и мотнул головой в сторону входа. Беги, мол, пока грозная немка не очнулась.

Василий последовал совету и влетел в фойе, сопровождаемый хихикающими девочками. Уже там обернулся и грозно нахмурил брови:

– И что это было? Не спорю, меня вы порадовали, особенно Лиза... Но какого чёрта? Пардон, зачем?

Верочка надула губы:

– Грубый ты, Васенька. Грубый, но хороший.

– Уже Васенька?

– Так мы же почти родственники!

– И давно?

– Большевики все родственники! – воскликнула Лиза. – Но некровные, поэтому нам можно жениться. Ой... я это не говорила.

– А я ничего не слышал, – усмехнулся Василий, а сам подумал, что генерал Бонч-Бруевич до Главного штаба занимался контрразведкой, поэтому вполне мог знать истинное

положение дел. – Мы, Лизавета, вернёмся к этой теме через несколько лет.

С точки зрения капитана Родионова, любая из этих девочек стала бы идеальной партией для наследника престола. Умницы, красавицы, происхождение... Да какое дело комсомольцу до происхождения? Дед вон наполовину датчанин, бабушка вообще немка английских кровей, и ничего, тоже вроде как люди. Но о партиях думать рано!

– Мы уже всё решили, – Катя Орджоникидзе перехватила инициативу разговора. – Ты согласен?

– Жениться? – не понял Красный.

– За партой сидеть вместе! Сегодня шесть уроков, вот мы решили по очереди. Я первая.

– А Сергеев?

– Артёма мы предупредили. Ну так согласен?

– Как я могу отказать таким красавицам? – развёл руками Василий. – Конечно же согласен.

В гардеробе к Красному подошёл Степан Микоян, сын графа и некоронованного короля пищевой промышленности Анастаса Микояна. Это его кондитерские фабрики делают те замечательные эклеры, что вчера принесли девочки. То есть не Стёпы, а его отца фабрики.

– Красный, у тебя помада на щеках.

– Ага, спасибо, – Василий отошёл к зеркалу и достал платок. – Никогда не замечал, чтобы они помадой пользовались.

– Всё когда-то случается в первый раз, – с философской

грустью ответил Степан, учившийся классом младше, но изображавший умудрённость жизнью. – Я вот чего хотел сказать, Красный... Отец на твою победу поставил пятьсот тысяч. Да и все наши тоже. Ты уж не подведи, а?

– Ну ни хрена себе, гладиаторские бои со ставками! – возмутился Красный. – Больше заняться людям нечем?

– Есть чем заняться, – кивнул Микоян. – Но завтра же воскресенье. Не на футбол же идти, согласишься?

Это точно, не на футбол. В этом мире футбол в загоне и котируется примерно на уровне балета и проституции. Как же, любимая игра англичан, едва не откусивших от империи Туркестан с Азербайджаном.

– Стёпа, а все наши, это кто?

– Большевики, кто же ещё. Каганович будет, Маленков из Москвы уже выехал, Орджоникидзе, само собой, Луначарский обещал быть, князь Кропоткин тоже. Поговаривают, даже сама Дарья Христофоровна собирается.

Родионов напряг память Красного и обомлел. Вот это большевичка! Княгиня Дарья Христофоровна Ливен, урождённая Бенкендорф, родная сестра бывшего главного жандарма графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, легенда русской разведки, в своё время вырвавшаяся из Лондона со стрельбой, взрывами и дымами пожаров за спиной. С такой биографией прямой путь в большевики!

– А сам Александр Христофорович? – неуклюже пошутил Вася.

– Так он же давно от дел отошёл. Сейчас в Ливадии после второго омоложения отдыхает.

– Понятно.

– Мы верим в тебя, Вася! – Микоян протянул руку. – Десять процентов от выигрышей твои.

Первым уроком нелюбимый Красным немецкий язык. Знал его как родной благодаря бабушке и мог говорить с берлинским, ганноверским или гессенским выговором на выбор, но вот уроки не любил. Может быть, из-за того, что преподающая предмет Надежда Константиновна долгое время жила в Цюрихе и Берне, и чудовищный швейцарский диалект потомственных козопасов жутко резал слух. Впрочем, госпожа Крупская знала за собой этот недостаток и Васю на уроках не тревожила, позволяя заниматься чем угодно, а высший балл в табели проставлялся автоматически.

Катя Орджоникидзе уже ждала его за партой, а переселившийся на камчатку Артём поймал взгляд и пожал плечами. Дескать, извини, брат, но ничего сделать не могу.

– Вася, ты обратил внимание, что Яшки сегодня нет? – Катя наклонилась к самому уху, будоража воображение коснувшимся щеки локоном. – Куда он подевался?

– Да и хрен бы с ним, – ляпнул Красный, но спохватился. – Пardon!

– Уже второе грубое слово за сегодня.

– Ты их коллекционируешь?

– Нет, я завидую. Ты, Вася, из простого народа, тебе про-

ще. Тебе можно даже рыбу ножом есть².

– Что, и нос рукавом можно вытирать?

– Вот этого не знаю, – вздохнула Катя. – А мне шагу нельзя ступить без оглядки на этикет и правила приличия.

– А целоваться на улице?

– Мы взбунтовались! Мы втроём взбунтовались, а этот поцелуй в щёку как глоток свободы!

– Свобода не чай, её маленькими глотками не пьют.

Катя вспыхнула ярким румянцем и отвернулась. Так и сидела до конца урока, глядя куда-то в сторону, а когда прозвенел звонок, повернулась и прошептала еле слышно:

– Я подумаю над твоими словами.

На перемене Артём показал большой палец и спросил удивлённо:

– Что с ними случилось, Вася?

Василий улыбнулся:

– С ними случился я!

– Ты думаешь, они знают о...

– Если только Лиза, но Вере с Катей она точно ничего не сказала.

– Обалдеть, Васька! А представляешь, что будет, когда тебя официально представят обществу?

– Да это когда ещё, – отмахнулся Василий.

² Известен анекдот про упавшего за борт гардемарина. При приближении акулы он схватился за кортик, но та его устыдила: «Фи, рыбу ножом! Как не стыдно!» Гардемарин устыдился и был съеден.

– Четырнадцать тебе через неделю, а первого мая традиционный весенний бал в Гатчине. Всего-то полтора месяца осталось.

– Разве не осенью?

– Как же весенний бал может быть осенью? – удивился Артём.

– В том смысле, что с представлением я на осень надеялся, – пояснил Василий. – Ведь придётся в Зимний дворец переезжать.

– Не всё же мне одному мучиться, – засмеялся Артём. – Нет, брат, изволь тоже испить из этой горькой чаши. Так что гуляй полтора месяца, а потом... Ладно, идём на урок, а то видишь, Лиза уже копытом бьёт.

– Копытцем, – поправил Вася. – Очень стройным и изящным копытцем.

– А я как сказал?

Следующим уроком была химия. Точнее, «Химия и основы трансмутации». Философский камень на занятиях не искали и воду в вино по рецепту Каны Галилейской не превращали, но методы обнаружения ядовитых веществ и способы их нейтрализации подручными средствами с небольшой толикой энергии давали подробно. Мало ли что в жизни случится, а целителя под рукой не окажется?

Ну и общие сведения об органической и неорганической химии, мало чем отличающиеся от уроков в обыкновенной советской школе. Разве что кабинет обставлен богаче, да

каждое учебное место оборудовано мощной вытяжкой, удаляющей результаты самых неожиданных и смелых гимназических экспериментов.

– Вася, помоги, – Лиза просунула руки в рукава белого халата и повернулась спиной. – Завяжи, пожалуйста.

Василий не удержался и осторожно провёл пальцами по позвоночнику от шеи до лопаток.

Лиза вздрогнула и затаила дыхание. Так и не дышала, пока Красный возился с завязками. Потом поменялись ролями, и Вася вместе с помощью получил лёгкий подзатыльник.

Верочка с соседней парты прокомментировала:

– Смотри, Катя, у них уже первая семейная ссора.

Лиза смутилась, Катерина нахмурилась, а Красный церемонно поклонился всем троим, а когда начался урок, шепнул:

– Чем я могу загладить вину, душа моя?

– Я не... – хотела возразить Лизавета, но осеклась. – Повтори...

Василий понял, что именно нужно повторить, и улыбнулся самой искренней из своих улыбок. Во всяком случае, очень постарался:

– Душа моя...

– Спасибо, Вася. И я подумаю над твоим предложением.

Из осторожности Красный уточнил:

– Но, заметь, руку и сердце я пока не предлагал.

– Пока?

Глава 3

Домой из гимназии Красный возвращался окрылённый. Ещё бы, сегодня вечером у него первое в жизни свидание – Верочка Столыпина на уроке физики выбила обещание сходить на премьеру фильма «Весёлые ребята» с Утёсовым и Орловой в главных ролях. Правда предупредила, что правила приличия не позволяют ей появиться одной, поэтому Катя с Лизой тоже будут присутствовать. И смотрит хитро-хитро, будто есть в её словах какой-то подвох.

А он был. Как же не быть подвоху, если билеты на премьеру раскупили ещё месяц назад? Но Вася только кивнул и на ближайшей перемене позвонил из кабинета Макаренко дежурному дворцовой полиции и попросил соединить с генералом Власиком. Тот просьбу выслушал и пообещал, что четыре билета доставят к входу в кинотеатр «Ударник» за сорок минут до сеанса.

Название, кстати, капитана Родионова позабавило. Оно не имело отношения к ударникам коммунистического труда – Военное министерство являлось официальным покровителем кинематографа, и названия подбирались соответствующие. «Ударник», «Боёк», «Обойма»... Но этот располагался в офицерском собрании Петербурга и слыл самым престижным из всех.

Естественно, у капитана Родионова имелся опыт свидания

ний, но довольно специфический и неприемлемый в этом мире и в этом возрасте. Там бравый курсант, а потом и лётчик-истребитель точно знал, что ему требуется, и при малейшей попытке потянуть его в сторону загса вывешивал военноморской флажный сигнал «Следую своим курсом». Здесь такое не пройдёт.

Стало быть, что? Нужно посоветоваться со старшим товарищем! И перед дверью своей квартиры Василий развернулся. Дома Максимыч, или где-то по литературным делам с издателями водку пьёт?

Максим Горький оказался на месте. Открыл дверь в растёгнутой рубашке со следами помады на воротнике и с некоторым смущением снял с люстры в прихожей висевший там шёлковый чулок. От знаменитого писателя пахло вином, хорошим табаком и женскими духами. То ли «Красная Москва», то ли «Букет императрицы», точно Красный определить пока не мог.

– Я за советом, Алексей Максимович.

– За советом? Это правильно, – кивнул Горький и крикнул куда-то в глубину квартиры: – Нина Андреевна, мы чуть позже продолжим редактирование моей новой пьесы!

Вася чуть было не ляпнул про необходимость помыть чернильницу, но сдержался. Вдруг его неправильно поймут?

Идею отправиться на свидание в гимназической форме Алексей Максимович забраковал сразу:

– Понимаешь, Вася, оно вроде как и положено гимназисту

в мундире быть в общественных местах, но... Гимназист, он же как нижний чин в армии, которого каждый дятел норovit поставить во фрунт для удобства выклёвывания мозга. А тебе оно надо? Вот представь, ты своей мадмуазели ручку целуешь, а тебя какой-нибудь генерал за неподобающее чину поведение шпыняет.

– Да наплевать.

– Это ты у нас, Вася, орёл и тебе наплевать, а девочки твои, что Верочка, что Катенька, что Лизонька, есть создания нежные и воздушные. От такого суховея долго ли чувствам увянуть?

– Даже знаете, с кем иду?

– А что такого? – хмыкнул Алексей Максимович. – Петербург город большой, но скучный, и каждая новость в нём на вес золота. Не удивлюсь, если уже сегодня вечером вся столица будет обсуждать цвет моих подштанников. Но я не о том! Одевайся в партикулярное и не оглядывайся на правила. Двубортный светлый костюм из тонкой шерсти, шёлковый галстук, запонки чтоб просто золотые, без всяких пошлых бриллиантиков. Пальто тоже тонкое, чай, не замёрзнешь.

– Почему двубортный? – Вообще-то Красный был согласен с рекомендациями, а уточнил на всякий случай.

– Ты же не собираешься пойти на свидание как последний босяк, без пистолета?

– Да я как-то...

– Бери и не думай. Нельзя надеяться на авось и дворцовую полицию. Удача, Вася, она, как огурец – сегодня в руках, а завтра в жо... хм... завтра ещё где-нибудь.

– Понял, – кивнул Василий.

– Цветы девушкам подарить догадаешься? Рекомендую к Лаврентию Павловичу заехать, у него по субботам свежий завоз прямо из Батума почтовым дирижаблем. Что ещё?

– Вроде бы всё.

– Нет, – Алексей Максимович покачал головой. – Возьмёшь извозчика, потому как в закрытом таксомоторе можно ездить только жениху и невесте. Обратно тоже извозчиком развезёшь и сдашь с рук на руки родителям.

– На извозчике холодно и медленно.

– А правила приличия для того и придуманы, чтобы на всякие глупости времени не оставалось, – Горький отбросил в сторону чулок, который всё ещё держал в руке, и добавил: – Право на глупости ещё заслужить нужно.

– Когда заслужу, тоже буду гостей в прихожей принимать, – не удержался от подначки Красный.

Алексей Максимович в ответ погрозил пальцем и ухмыльнулся:

– Всё ты понимаешь. Из молодых да ранних, почти как я в твои годы. Ладно, Вася, иди, времени у тебя впритык.

Пока Василий принимал душ и переодевался, охранники вызвали извозчика и озаботились тремя одинаковыми букетами белых роз. Похвальная самостоятельность, или подслу-

шивали? Скорее второе, но это их работа, и обижаться не стоит. А за извозчика вообще нужно благодарность вынести.

Извозчик да, хорош во всех отношениях. И сам солидный, с бородищей, с сияющей на груди номерной бляхой и с трудом скрываемой под форменным армяком военной выправкой. И коляска хорошая – свежий лак на ореховом дереве, на резиновом ходу и рессорах, дно явно бронировано, как и борта, а складной кожаный верх прошит нитью стоимостью в дирижабль и при случае выдержит винтовочную пулю в упор. Понятное дело, что это обыкновенный извозчик, каких полным-полно на улицах Петербурга! Аж двое таких, причём второй закреплён за бабушкой, на старости лет вдруг испытывающей отвращение к автомобилям.

Василий сел на мягкий диван и выдохнул, как перед прыжком в холодную воду:

– Поехали!

Извозчик кивнул. Куда ехать, он не спросил. Наверное, охранники заранее адреса сказали. Или сам знал, что скорее всего. А что удивляться, у этого тоже служба и под армяком погоны минимум с тремя звёздочками.

Ближе всего жила Лиза, и за ней заехали в первую очередь. Многочисленное семейство Бонч-Бруевичей проявило деликатность – Лизавета вышла из дома одна, остальные же с молчаливым одобрением наблюдали из окон за тем, как Красный вручил букет, обозначил поцелуй над перчаткой и помог девочке сесть в коляску. Всё торжественно, величаво

и прилично.

Вся эта чинность продержалась ровно до тех пор, пока извозчик не повернул с Гороховой на Садовую и не скрылся от взглядов семейства Бонч-Бруевичей.

– Вася, ты самоубийца! – вдруг заявила Лизавета. – Как тебе могла прийти в голову мысль дарить три одинаковых букета?

– А что не так? – удивился Красный. – Красивые цветы.

– Они одинаковые!

– А какие должны быть? – не понял суть претензии Василий.

– О господи, – вздохнула Лиза, – дай хоть немного мозгов этому неразумному.

– Поскольку от аргументов ты уже перешла к оскорблению, предлагаю продолжить наш разговор дракой.

– С кем? – теперь уже ничего не поняла Лизавета. – Ты хочешь с кем-нибудь подраться?

– Нет, я очень хочу понять, почему нельзя дарить одинаковые цветы.

– Вася, это не нужно понимать, это нужно знать.

Наверное, извозчик тоже знал непреложную истину о недопустимости одинаковых букетов, потому что остановился точно напротив магазина с красочной вывеской «Цветы». И ниже мелкими буквами «Продажа российских и иностранных цветов, подбор букетов на все случаи жизни. Торговля акционерного общества „Лубянка“ и поставщика Двора

Е.И.В Лаврентия Берии».

Василий намёк понял:

– Лиза, ты мне посоветуешь? У нас ещё в запасе четырнадцать минут.

Девочка благосклонно кивнула и протянула руку, чтобы Красный проявил галантность и помог ей выбраться на тротуар, вопреки погоде, сухой и чистый, чуть светящийся в эфирном зрении. Ну да, основной акционер общества «Лубянка» может позволить себе такую роскошь, как самоочищающиеся и самоподогревающиеся тротуары возле своих многочисленных магазинов.

На входной двери традиционный колокольчик, приветствующий посетителей и предупреждающий продавцов. На звон из-за пышных розовых кустов, растущих в кадках с плодородной землёй, выглянула миловидная девица в форменном платье с петлицами коллежского регистратора на воротнике. Лаврентий Павлович, сам сильный одарённый, и персонал подбирает соответствующий, поэтому его цветы могут сохранять свежесть до месяца, даже будучи срезанными.

– Добрый день! Вам что-нибудь посоветовать?

Вася посмотрел на Лизавету, и та не подвела:

– Нам нужно два букета для моих ровесниц от этого вот молодого человека. Первое свидание. И одеты они будут...

Красный принял заинтересованный вид, но постарался отключить мозг и приготовился к длительному ожиданию. Четырнадцать минут тут явно не хватит.

Удивительно, но Лиза и в самом деле уложились в отведённое время, что можно было считать если не восьмым чудом света, то уж, во всяком случае, во втором десятке. Успели заехать и за Верочкой, и за Катей, появившись у офицерского собрания на Дворцовой набережной точно в срок.

Ожидавший Василия курьер узнал его по фотографии, которую держал в руке, но на всякий случай уточнил перед вручением конверта с билетами:

– Господин Красный?

– Да, это он, – подтвердила Вера Столыпина и протянула руку. – Давайте.

– Прошу простить, сударыня, – курьер спрятал конверт за спину. – Велено отдать лично.

– Но мы...

– Прошу простить, но приказ! – конверт переключал к Василию, после чего на свет божий появилась бумага с печатью. – Господин Красный, распишитесь здесь... вот здесь... и ещё тут. Время и подпись разборчиво, будьте добры. Ага, спасибо. Честь имею!

– Моему дедушке со службы тоже так приносят, – негромко заметила Лиза, провожая взглядом удаляющегося курьера. – Вася, тебе билеты кто доставал?

Василий пожал плечами, что стало почти уже привычкой:

– Да так, по случаю...

Вера с Катей не были столь проницательны и поторапливали дружным дуэтом:

– Пойдёмте же скорее! Вася, ну что ты застыл?

– Я застыл? – улыбнулся Красный. – Эскадрон, шашки подвысь! Рысью марш-марш!

Так со смехом и шутками добрались до гардероба, где Василий мысленно поблагодарил Алексея Максимовича за добрый совет. Куда ни глянь, всюду лампасы, ордена и аксельбанты, а если кто и в вицмундире гражданской службы, то по меньшей мере действительный статский советник. Гимназист бы здесь смотрелся новорождённым ягнёнком в волчьей стае. Надо понимать – премьера!

– У нас какие места? – спросила Катя Орджоникидзе, не отрываясь от ростового зеркала на ближайшей колонне.

– Не знаю, – ответил Василий и вскрыл запечатанный сургучом конверт. – Сейчас посмотрю.

– Тут есть кому посмотреть, – Вера решительно взяла Красного за руку и потянула к стоявшему у входа в зрительный зал служителю: – Лизонька, Катюша, не отставайте!

Служитель заглянул в извлечённые из конверта билеты и вытянулся во фрунт, звонко щёлкнув каблуками:

– Сей момент провожу, ваши сиятельства! Извольте пройти за мной! – и повёл всех четверых к уходящей наверх широкой мраморной лестнице с красной ковровой дорожкой. На втором этаже открыл перед Василием украшенную монограммой «ИВ» дверь ложи и поклонился. – Сию же минуту распоряжусь насчёт официантов.

– Мамочки... – Вера Столыпина прижала ладони к ще-

кам. – Это же...

Капитан Родионов в душе Василия Красного замыслова-то выругался с применением лётных и технических терминов. Судя по всему, генерал Власик поручил организацию доставки билетов кому-то из подчинённых, а тот постарался выполнить указание начальства с всевозможным тщанием.

– Это императорская ложа, – согласилась с Верочкой Лиза Бонч-Бруевич. – Это же Артём Сергеев билеты достал, да?

– Разумеется! – Вася охотно поддержал устраивающую его версию. – А вы что подумали?

– Ты нас так больше не пугай, – покачала головой Вера и первой вошла в ложу. – Ой, а здесь миленько.

Красный точно помнил, что отец никогда не посещал этот кинотеатр, предпочитая просмотры новинок в домашней обстановке и узком кругу, так что рекомендации по обустройству императорской ложи давал дед. Именно поэтому здесь присутствовал резной буфет с множеством разнокалиберных бутылок за стеклом и большой электрический ледник «Руссо-Балт». Остальной мебели совсем немного – десяток стульев работы мастерской Гамбса, дубовый стол на те же десять персон и ломберный столик под зелёным сукном. Что Верочка миленького нашла? Разве что фотографический портрет Матильды Кшесинской в неглиже после второго омоложения, но его Вася сразу же положил на столик изображением вниз.

До начала просмотра фильма ещё десять минут, которые

заявившиеся официанты в белых фраках предложили скоротать за лёгким перекусом.

– Всё свежайшее, ваше сиятельство, не извольте сомневаться!

– А эклеры? – спросила равнодушная к сладостям Верочка.

– Мороженое венское хочу! – заявила Катя. – У вас есть венский пломбир?

– Такого не держим, – оскорбился один из официантов. – У нас самое лучшее, а не заграничное.

Василий решил притушить разгорающийся спор о вкусах и сам сделал выбор:

– Лимонад, микояновские эклеры, а мороженое на ваше усмотрение. Катя, прояви патриотизм!

Этот довод подействовал на всех девочек, и возражений не последовало. Действительно, как можно есть непонятный венский пломбир, если хладокомбинаты всё того же графа Микояна половину своей продукции продают в Европу? А вот из Европы может ли быть что доброе?³

После мороженого, но перед эклерами с лимонадом, прозвенел звонок, и в зале погас свет. Пришлось оставить пирожные в покое и пересаживаться лицом к экрану, где уже появились титры. Эклеры в темноте – *mauvais ton*!

Верочка Столыпина тут же устроилась справа от Красного, Катя поспешила занять место слева, а слегка растеряв-

³ Евангелие от Иоанна 7:41 – Ин 7:41.

шаяся Лизавета после некоторого раздумья присела на стул сзади. Буквально через минуту Василий почувствовал, как на его плече появилась дополнительная тяжесть, а до щеки дотронулось маленькое горячее ухо.

– Мне так лучше видно, – объяснила Лиза недовольно заворчавшим подругам, осознавшим ошибку в выборе места.

Красный застыл, боясь пошевелиться, а капитан Родионов из глубины его души разразился бурными аплодисментами. Так бы и продолжал аплодировать, если бы не начался фильм, вызвавший недоумение расхождением сюжета с оригиналом из другого мира. Куда-то подевался пастух Костя, но вместо него появился одарённый ветеринар Константин Яковлевич, тайно влюблённый в племянницу влиятельного сановника, увлекающуюся музыкой и вокалом. Талантливая домработница Анюта тоже пропала, причём без замены другой героиней. Вот пьяное стадо, заявившееся на званный ужин, было. Поросята на рояле играли, бык в саксофон дудел... нет, не смешно.

Но девочки хохотали во весь голос, и Красный очень надеялся, что к концу фильма тоже поймёт глубокий смысл происходящего на экране. И тут неожиданно показ остановили на половине, и в зале загорелся свет.

– Антракт, – вздохнула Лиза, с явной неохотой убирая голову с плеча Василия.

– Какой ещё антракт? Это же не театр.

– Именно театр. Кинематографический, – пояснила Вера

Столыпина. – Прогуляемся?

– Куда?

– Куда угодно. Или ты намерен сидеть как сыч и не высовывать носа? Нет, Вася, на светских мероприятиях так не делается. Изволь сопровождать нас!

– Как скажете, сударыня, – Красный церемонно поклонился, чтобы скрыть улыбку. – Приказывайте, о свет очей моих!

– «И в сердце льстец всегда отыщет уголок», – ответила Вера. – Образ дамского угодника тебе, Вася, совсем не подходит.

– Да?

– Уж поверь мне на слово.

Ох уж эти светские мероприятия и связанные с ними условности! Вот с этими нужно раскланяться и поговорить о погоде, с этими о родителях и общих знакомых, с теми просто поздороваться и пройти дальше, а здесь непременно расцеловаться и осыпать друг друга комплиментами, чаще всего незаслуженными и лицемерными. Но положение обязывает! Тем более появление Верочки Столыпиной, Кати Орджоникидзе и Лизаветы Бонч-Бруевич в вечно пустующей императорской ложе не осталось незамеченным и требовало объяснений.

За первые двадцать минут антракта Василия представили девятнадцати аристократическим семействам, и в конце концов он не выдержал, нашёл взглядом известного конструк-

тора дирижаблей Николая Николаевича Поликарпова, в одиночестве скучающего у барьера оркестровой ямы, извинился перед девочками и решительно направился к нему.

– Разрешите представиться? Василий Красный, в настоящее время гимназист, но в ближайшем будущем надеюсь стать пилотом.

Поликарпову гимназист был не интересен, но вежливость взяла верх:

– Рад познакомиться, юноша. Ваше желание стать пилотом весьма похвально. Собираетесь летать на штурмовиках или бомбардировщиках? Или, простите на грубом слове, на новомодных истребителях?

– Мне, Николай Николаевич, как-то довелось беседовать с генералом Романовым... – зашёл с козырей Василий.

– С Алексеем Николаевичем?

– Да, с ним. Так вот, он высказал предположение, что в будущей войне, если таковая случится, окажутся востребованы аппараты тяжелее воздуха, способные развивать скорость в шестьсот километров в час и более.

Поликарпов с удивлением посмотрел на гимназиста, беседующего на серьёзные темы с генералами, и возразил:

– Но это же бред, юноша! Под аппаратами тяжелее воздуха вы подразумеваете нечто похожее на аэроплан братьев Райт? Вынужден вас разочаровать – эти прохиндеи использовали в своей конструкции всё те же антигравитационные пластины. Разумеется, она летает, но к военным действиям абсолютно

непригодна.

– Почему же?

– Эту этажерку просто опрокинет отдачей пулемёта. Разве что в разведке применить, но смысл? Неустойчивая платформа не позволит сделать качественные снимки.

– Зато скорость.

– Не смешите меня, молодой человек, – усмехнулся конструктор. – Уже на двухстах километрах в час пилота сдует, а вы говорите про шестьсот и более.

– Можно сделать закрытую кабину.

– И тогда пластин понадобится столько же, сколько на недоразумение господина Гроховского.

– Но размеры?

– Разве что размеры, но они же и являются недостатком сего аппарата. Маленький не вооружить в достаточной степени, а большой ничем не отличается от дирижабля по своим характеристикам.

И уж тем более ни один одарённый никогда не согласится сесть в эту летающую мебель.

– Я бы сел, Николай Николаевич.

– Вы одарённый? Хотя о чём это я, неодарённый не появился бы в обществе милых девочек из известных фамилий.

– И ещё, – добавил Вася, не желая развивать тему милых девочек. – Разве аппараты тяжелее воздуха нуждаются в антигравитации? Мне видится...

Красный замолчал, так как к ним сквозь фланирующую публику целеустремлённо пробивался худощавый господин средних лет, на ходу достававший из кармана...

– Что же ты, сука, творишь? – Вася толкнул в сторону Поликарпова и выставил щит, тут же вспыхнувший от попадания первой пули. После второй защита схлопнулась, не выдержав непомерной нагрузки.

От третьей пули Красный ушёл перекатом и ещё в кувирке потянул из наплечной кобуры браунинг. Когда-то капитан Родионов неплохо стрелял и занимал призовые места на первенстве округа, поэтому... Хлоп! Нога террориста подломилась в согнувшемся в обратную сторону колене. Хлоп! Локоть правой руки вспух красным фонтанчиком.

Что за идиот бросился вперёд, перекрывая нападавшего? Пардон, вовсе не идиот, а тайный сопровождающий из дворцовой полиции. И женский визг по всему залу, переходящий в ультразвук.

– По башке, по башке ему не колоти! – орал какой-то генерал с крохотным для его огромной ручки ТК. – Ты его забьёшь, придурок! Живым берите!

Вся эта суета проходила мимо Василия незамеченной. Он лежал на ковровой дорожке и любовался люстрой. Мыслей не было, обычное облегчение и усталость, как после тяжёлой работы. Двое в штатском ненавязчиво отвлекали на себя всех желающих подойти. Одного, правда, пропустили.

– С вами всё в порядке, юноша? – слегка хромающий по-

сле падения Поликарпов протянул руку, помогая подняться. – У вас отличная реакция, молодой человек.

Красный смущённо улыбнулся:

– Извините за толчок, Николай Николаевич, но...

– Пустяки, – отмахнулся конструктор. – Главное, что не свалился в оркестровую яму. Кстати, стреляете вы тоже неплохо.

– Ах да... – Василий достал магазин и потянул затвор. Подобрал упавший на пол патрон и вернул пистолет в кобуру. – Вы не подскажете, где здесь можно... хм... поправить причёску?

– Давайте я вас провожу, Василий.

В сортире Красного и нашли. И он действительно поправлял перед зеркалом растрепавшиеся волосы, перед тем безуспешно попытавшись хоть как-то убрать грязные пятна на локтях светло-серого пиджака.

– Господин Красный, у меня к вам несколько вопросов! – маленький жандармский штаб-ротмистр пытался прорваться через охранников у двери и кричал издали: – Да пустите же меня, церберы безголовые!

Один из охранников заглянул штаб-ротмистру за спину, никого постороннего не увидел и перевёл вопросительный взгляд на Василия. На «цербера» он не отреагировал, хотя взаимная неприязнь жандармов и дворцовой полиции была общеизвестна.

– Пропустите, – кивнул Василий. – Но только его.

Жандарм вошёл и представился:

– Штаб-ротмистр Ежов Николай Иванович. Мне хотелось бы узнать, были ли вы ранее знакомы с господином Дмитрием Григорьевичем Богровым?

– Кто это такой?

– Коммивояжер шпагатной фабрики, только что покушавшийся на конструктора Поликарпова.

– Нет, первый раз про такого слышу.

– И могу ли я узнать...

– Как я попал в императорскую ложу?

– Да.

– Узнать вы можете, – согласился Василий. – Как узнаете, не забудьте поделиться со мной своим знанием. Я вас больше не задерживаю, господин штаб-ротмистр.

– А ваш пистолет...

– Феликс Эдмундович в курсе.

– Кто?

– Вы не знаете собственного начальника генерал-лейтенанта Дзержинского? – подобравшийся охранник вдруг резко пробил жандарма в челюсть. – Мишаня, вяжи ещё одного террориста!

Поздним вечером в кабинете графа Бронштейна произошёл неприятный разговор. Лев Давидович выговаривал господину Азефу за самодеятельность и не стеснялся в выражениях. Успокоился не сразу, и долго ещё половина слов в его монологе напоминала о большом петровском загибе в пере-

воде любивичского цадика. Но вот он выдохся и устало опустился в кресло:

– Евно, ну нельзя же так работать! Что будет, если этого идиота свяжут с тобой? Вы же были друзьями, не так ли?

– У меня нет и никогда не было друзей, Лев Давидович.

– Вот как? Тогда почему же он согласился стрелять в Красного?

– Это его собственная инициатива, я только пожаловался на некоторые проблемы.

– Ты тоже идиот, Евно! Богрова взяли живым!

– Простите, Лев Давидович, но вы ошибаетесь.

– В чём?

– Дмитрий Григорьевич скончался в тюремной больнице.

– Когда?

Евно Фишелевич посмотрел на часы и ухмыльнулся:

– Через десять минут.

Глава 4

Заночевать пришлось в Зимнем дворце. Сразу после возвращения Красного со свидания позвонил генерал Власик и сообщил, что за Василием выехал автомобиль и что у императора есть кое-какие вопросы к сыну. Но успокоил, что это именно вопросы, а не претензии или выговор.

Только не получилось разговора – в Зимнем Васю взяли в плен мама и бабушка и категорически отказались отпускать до утра.

– Пойми, Иосиф, у мальчика сегодня был тяжёлый день, завтра тоже будет тяжёлый день, а тут ты со своими вопросами. Ему необходимо хорошо отдохнуть и выспаться.

– Я всего лишь хотел поинтересоваться его браунингом. Василий, почему его выстрелов почти не слышно?

– Это...

Но договорить или что-то объяснить ему не дали всё же мама с бабушкой:

– Вася, отдай отцу свою страшную игрушку и немедленно отправляйся спать!

Пришлось исполнить приказ, потому что против объединённых усилий двух женщин не может устоять даже император. А утром, после лёгкого завтрака, но перед отъездом на дуэль Василия на несколько минут похитил дед, немного смущённый, что обычно ему не свойственно:

– Вася, я на твой выигрыш поставил полтора миллиона. Пять процентов твои.

– Микоян десять обещал.

– Да? – удивился Николай Александрович. – Тогда я дам пятнадцать.

– А если проиграю?

– Такого не может случиться, потому что мы все будем за тебя болеть на стадионе.

– И отец приедет?

– Непременно будет.

– А как же моё инкогнито? Дуэль личного дворянина Красного не то событие, что может заинтересовать высочайших особ.

– Всё учтено и предусмотрено, – отмахнулся дед. – Ваш поединок совмещён с показом новых истребительных дирижаблей Гроховского, и ни у кого даже мысли не возникнет о настоящей причине появления императора.

– Понятно.

– А раз понятно, то иди и порадуй старенького дедушку победой!

Василий улыбнулся и пошёл. А как не пойти, если посылают?

Дуэли между несовершеннолетними в Российской империи разрешили недавно, всего лишь в двадцать пятом году, для предотвращения серьёзных конфликтов по несерьёзным поводам между аристократическими семьями. До при-

нятия этого решения доходило чуть ли не до полноценной войны, когда за подбитый глаз или расквашенный нос отпрыска возникали претензии старших родственников. Случались даже штурмы особняков и поместий с многочисленными жертвами, а после торпедирования прогулочной яхты графа Бухарина император Иосиф Первый и подписал соответствующий указ.

Однако потери среди недорослей тоже никому не были нужны, и дуэли проводились с множеством предосторожностей, почти исключаящих печальный исход. Голову и шею участников защищали шлемами, надёжно предохраняющими от смертельных ранений, грудь и живот закрывали кирасой из магически уплотнённых сверхпрочных сплавов и разрешали произвести только один выстрел с расстояния тридцать метров. Большинство поединков заканчивались обоюдными промахами, а ранения, если они были, способствовали появлению зачатков ума у малолетних оболтусов. Пуля даже при попадании в задницу хорошо прочищает мозги.

За всю историю дуэлей случилось два смертельных исхода. Первый по вине матушки пострадавшего, известной целительницы баронессы Засс, не допустившей к раненому сыну опытных военных медиков и упавшей в обморок при виде крови из перебитой артерии. С тех пор родственников к участникам не допускали.

А второй... второй так хорошо отпраздновал победу, что в нетрезвом виде упал в Фонтанку, где и утонул.

Дуэли проходили на Центральном стадионе имени Николая Первого, что на Каменном острове, и туда Василий добрался на автомобиле своего секунданта генерала Бонч-Бруевича. Михаил Дмитриевич и второй секундонт Пётр Аркадьевич Столыпин заехали за Красным на Дворцовую площадь, о чём договорились по телефону, и оба сделали вид, будто ничего особенного в месте встречи нет. Решил гимназист перед дуэлью полюбоваться видами Петропавловской крепости и покрытой льдом Невы, и что? Имеет право в воскресное утро!

Другие тоже имели право распорядиться воскресным утром как им заблагорассудится, и естественно, многие решили провести время на стадионе, где в первой части программы обещана дуэль единственного внука графа Бронштейна с каким-то личным дворянином из простонародья. Самые осведомлённые утверждали, что это сын знаменитого литератора Максима Горького от морганатического брака, но отсутствие писателя намекало, что это не совсем так. В любом случае предстоящая дуэль и показ новой техники – достойный повод выгулять бриллианты, встретиться со знакомыми, да и просто подышать свежим воздухом в достойном обществе.

А ещё интерес подогревали рассказы очевидцев о вчерашнем происшествии на премьере в кинотеатре «Ударник», где гимназист не только спас конструктора дирижаблей Поликарпова, но и обезвредил террориста. Стрелок, правда, из

него никудашный! С пяти метров двумя выстрелами только ранил нападавшего, засадив пули в руки и ногу. Да с такого расстояния любая кухарка должна в глаз попадать!

Неофициальный тотализатор отреагировал на разговоры соответствующим образом, и ставки против Красного поднялись до небес. Впрочем, сам Василий этим не интересовался, так как был занят беседой с шефом жандармов генерал-лейтенантом Дзержинским. Всё равно соперник ещё не прибыл, и можно поговорить с умным человеком.

– Василий... Вы же позволите называть вас просто по имени?

– Конечно, ваше превосходительство.

– По новому уставу от тридцать седьмого года – просто господин генерал-лейтенант. Но лучше вообще без чинов. К чему излишний официоз?

– Согласен, Феликс Эдмундович, – кивнул Красный.

– Так вот, Василий, меня интересует такой вопрос, – Дзержинский чуть понизил голос. – Куда после разговора с вами пропал штаб-ротмистр Ежов?

– Он разве настоящий?

– А что, были какие-то сомнения?

– Вообще-то я принял его за шпиона.

– И где сейчас Николай Иванович? Только не говорите, что его труп нужно искать в Обводном канале.

– Да вроде бы живой, – с какой-то неуверенностью произнёс Красный, и в самом деле не знавший, куда его охранни-

ки подевали жандарма. – Я спрошу, Феликс Эдмундович, и перезвоню.

– Буду премного благодарен, – кивнул Дзержинский. – А то вчерашнее происшествие в театре... Кстати, некоторые свидетели утверждают, будто бы террорист стрелял в вас, а не в Николая Николаевича Поликарпова. Что скажете?

Василий неопределённо пожал плечами:

– Скажу, что я не та величина, на которую покушаются.

– Насчёт величины могу поспорить, но не буду, – усмехнулся Феликс Эдмундович. – Когда вам исполняется четырнадцать? Не Василию Красному, а... ну, вы понимаете.

– На днях, но представление обществу отложено до первомайского бала, – честно признался Вася. – А у вас разве не записано?

– Всё у меня записано, – проворчал главный жандарм империи. – И ещё вот заметку сделаю, что с первого мая у террористов появится ещё одна мишень, а у моих подчинённых дополнительная головная боль.

– Все террористы в Англии.

– Мне бы вашу убеждённость, – Дзержинский грустно и устало улыбнулся. – Но вот вроде бы твой оппонент прибыл?

– До назначенного времени ещё шесть минут, так что опоздания нет.

– И это плохо.

– Почему, Феликс Эдмундович?

– Да потому что не нравится мне эта затея с дуэлью, Ва-

силий. Чувствую какую-то опасность, но понять не могу, откуда она придёт и к кому. Старый стал, наверное.

— Ну какой же вы старый? Я бы вам больше пятидесяти не дал.

— И не нужно, — коротко рассмеялся Феликс Эдмундович. — У нас после двадцати пяти лет уже вечная каторга, так что... Ну всё, идите к распорядителю на инструктаж, а то ваши секунданты его сейчас побьют.

И правда, распорядитель дуэли министр двора Вячеслав Михайлович Скрябин едва отражал напор заседавших на него Столыпина и Бонч-Бруевича с помощью толстой книги в кожаном переплёте с золотым тиснением. Не в том смысле, что отмахивался ей, вовсе нет. Он тыкал пальцем в раскрытый фолиант, явно стараясь убедить Михаила Дмитриевича и Петра Аркадьевича в своей правоте. Или не в своей, а тех господ в партикулярном, что стояли поодаль с невозмутимым видом.

Вася заинтересовался и прислушался, но из-за шума на стадионе до него долетали лишь обрывки фраз:

— ...мать её! И вообще, какого чёрта...

— ...параграф семьдесят восемь, пункт одиннадцатый предусматривает...

— ...да я (тут неразборчиво) её видел!

— ...и не запрещает замену, если...

— ...насмешка над здравым смыслом, Вячеслав Михайлович, и потому...

– ...имеет силу закона, и никто не вправе...

Тут Столыпин обратил внимание на греющего уши Красного и сам к нему подошёл. Генерал Бонч-Бруевич оглянулся и заговорил тише. А Пётр Аркадьевич тяжело вздохнул:

– Так что, Василий, свинью нам подложили.

– Какую свинью?

– Старую, больную и очкастую, – но, увидев непонимание, пояснил: – Бронштейны выставили замену, что правилами не возбраняется, но какую замену! Старушку в очках!

Стреляться со старушками Василию не довелось ни в этом мире, ни в мире капитана Родионова. Как-то всё больше мирные бабушки попадались.

– Как же не возбраняется, Пётр Аркадьевич? Это дуэль несовершеннолетних.

– Потому она будет без защиты.

– А если я её убью?

Столыпин опять вздохнул:

– Вот это хуже всего, потом не отмоешься от позора.

– А в воздух стрелять?

– Да тоже ничего хорошего. Сам факт выхода с оружием против женщины ляжет пятном на репутацию. Представьте, Василий, вы в полной защите, а она...

– Я тоже могу без защиты.

– А вот это как раз правилами запрещено.

– И что делать? – Василий задумчиво почесал кончик носа. – Пётр Аркадьевич, а если я тоже выставлю замену?

– Как сторона, допустившая оскорбление действием, вы не можете это сделать.

Вася задумался, но нужные мысли в голову не приходили. Конечно, был вариант с раскрытием инкогнито, и тогда дуэль автоматически отменялась – если наследнику графа Бронштейна с некоторыми оговорками ещё можно стреляться с цесаревичем, то любые заместители рылом не вышли. Но этот вариант означал окончание вольной жизни и разрушение каких-то планов отца. Ведь не просто так император не стал возражать против поединка? Хотя мог бы и предупредить...

– Пётр Аркадьевич, а что будет, если я принесу извинения?

Лицо Столыпина сначала исказилось в брезгливой гримасе, а потом закаменело:

– В этом случае, господин Красный, я буду вынужден рекомендовать своей внучке сделать вид, будто она с вами не знакома. Думаю, Михаил Дмитриевич поступит точно так же. А что до извинений, то их обязательно примут.

– И не смогут отказаться? – Красный предпочёл не услышать первые два предложения.

– Не смогут, потому что это записано в правилах и высочайше утверждено.

– Спасибо, Пётр Аркадьевич, вы мне очень помогли, – Василий поклонился Столыпину и направился к распорядителю дуэли, который успешно противостоял напору генерала

Бонч-Бруевича. — Михаил Дмитриевич, Вячеслав Михайлович, у меня есть заявление.

— Потом, — отмахнулся генерал. — Сейчас я объясню господину Скрябину всю его неправоту, и тогда...

— Спасибо, но уже не нужно.

— Что не нужно?

— Обсуждать правомерность замены уже не нужно, Михаил Дмитриевич. Я хотел бы принести извинения своему противнику.

На лице Бонч-Бруевича отразились те же самые чувства, что и у Столыпина минутой ранее, разве что комментарии не последовали. А Вячеслав Михайлович вздохнул с облегчением и захлопнул фолиант со сводом дуэльных правил.

— Я вас понял, господин Красный! Сейчас всё организуем.

Неизвестно, кто проектировал и строил стадион на Каменном острове, но акустика на нём вряд ли уступала Большому театру, где не довелось побывать ни Василию Красному, ни капитану Родионову. Память что-то подсказывала об усилителях звука инженеров Термена и Лосева, но и без магии здесь явно не обошлось. Голос Вячеслава Михайловича Скрябина был слышен даже на самых дальних трибунах:

— Дамы и господа! Спешу сообщить вам, что, к всеобщей радости, сегодняшнее кровопролитие отменяется! Один их участников дуэли выразил готовность принести извинения!

Василий стоял чуть ли не в центре стадиона и кожей чувствовал направленные на него взгляды. Кто-то смотрел с со-

чувствием, кто-то с безразличным разочарованием, а кто-то с недоумением. А в глазах Яши Бронштейна ярко светилося торжество. Его тоже вызвали на центр стадиона, как главного виновника торжества, а рядом с ним кривила губы в усмешке его заместительница – сухая старушка неопределённых лет в роговых очках с толстыми линзами.

Вячеслав Михайлович показал на стол, где лежали приготовленные пистолеты ТТ:

– Это оружие сегодня не выстрелит, господа! Оно промолчит благодаря похвальному благоразумию и миролюбию, проявленным перед лицом Его Императорского Величества!

Вася скосил глаза в сторону императорской ложи – Иосиф Первый невозмутимо курил трубку и не проявлял эмоций. Если он и испытывал разочарование от поступка сына, внешне это не было заметно.

Тем временем Скрябин продолжил:

– Очень хочется надеяться, что поступок господина Красного послужит примером мирного разрешения любых конфликтов! Прошу вас, господин Красный!

Василий прокашлялся, убедился, что его хорошо слышно, а потом приложил руку к сердцу и громко произнёс:

– Я хочу извиниться перед господином Бронштейном-младшим за то, что разбил ему морду, а не кастрировал! Также прошу простить меня за отвращение, испытываемое к персоне господина Бронштейна-младшего, и рвотные позывы, случающиеся от лицемерия упомянутой персоны. По-

верьте, господа, мои просьбы о прощении искренни и идут от самого сердца.

Вячеслав Михайлович подавился приготовленным панегириком миролюбию, и во внезапно наступившей тишине слышались редкие и негромкие аплодисменты из императорской ложи. Знакомый всей империи чуть глуховатый голос произнёс:

– Есть мнение, что это поступок настоящего большевика. А что нам скажет господин Бронштейн-младший?

На Яшу было больно смотреть. Его лицо стало белее крахмального воротничка, а дрожащие губы не могли произнести ни единого слова.

После трёхминутного молчания Вячеслав Михайлович объявил:

– Возражений не последовало, извинения приняты!

И трибуны внезапно разразились овациями. Полетели в воздух меховые шапки, котелки, цилиндры и форменные фуражки. В общем шуме затерялся визгливый мат с южной трибуны, разбавленный словами «тухес», «поц», «шлемазл» и чем-то ещё не совсем понятным.

К Вячеславу Михайловичу подошёл казачий офицер в форме Атаманского полка и протянул листок бумаги. Скрябин прочитал, кивнул и поднял руку, требуя тишины:

– Дамы и господа, и это ещё не всё! – он дождался относительного спокойствия публики и потряс в воздухе бумажкой. – Да, это ещё не всё! Как я только что узнал, за

спасение знаменитого конструктора, можно сказать – короля дирижаблей Николая Николаевича Поликарпова, гимназист Василий Красный награждён орденом Святого Станислава третьей степени!

Ликование министра двора утонуло в восторженном рёве публики. Нет, они вовсе не радовались за Василия, они почему-то недолюбливали всё семейство Бронштейнов. И вот кто-то, перекрикивая шум, затянул гимн «Патриотического большинства», давно уже считающийся неофициальным гимном Российском империи.

Вставай на битву, одарённый!
Не дай нас превратить в рабов!
Кипит наш разум возмущённый,
На смерть за Родину готов!

Награда Красного порадовала. Капитана Родионова тоже. Пусть самый младший орден, пусть без мечей и банта, что в сравнении с советскими наградами ставило его где-то между Знаком Почёта и значком «Ударник коммунистического труда», но для тринадцати лет очень даже неплохо. Ну ладно, почти четырнадцать лет.

Кстати, это единственная уцелевшая из двух наград бывшего королевства Польского – орден Белого орла упразднён после известных событий осени семнадцатого года. Наверное потому, то получил в народе оскорбительные прозвища «Жареная курица», «Цыплёнок табака» и «Феникс-неудач-

ник».

Дождавшийся окончания гимна Вячеслав Михайлович опять поднял руку:

– Его Императорское Величество просит гимназиста Красного...

Дружное «ах» не дало расслышать суть просьбы. Только что на глазах многочисленных зрителей случилось немыслимое, сравнимое с падением неба на землю. Император!!! Просит!!! Гимnazиста!!!

– Господин Красный, подойдите к императорской ложе, – повторил Скрябин. – Господа, поприветствуем нашего героя!

Василий повернулся и пошёл в указанную сторону. Теперь он чувствовал не только взгляды, он ощущал эмоции. Обожание, восхищение, зависть, ненависть... всё смешалось и давало дивный коктейль, который напитывал весь организм восхитительной и чистой энергией. На короткий миг сам себе показался Архимедом, способным перевернуть землю без рычага и даже без точки опоры. Но уже в следующий миг Вася чётко осознал, что если в ближайшее время не избавится от излишков этой энергии, то бабахнет десятком килотонн в тротиловом эквиваленте – медные трубы нисколько не легче шапки Мономаха.

Император улыбнулся и провёл перед собой ладонью, убирая невидимый щит. Василий перешёл на строевой шаг, остановился за три метра и вскинул руку к виску:

– Ваше Императорское Величество, гимназист Красный по вашему приказанию прибыл!

И вдруг вопль за спиной:

– Государь, важное сообщение! – Вася оглянулся – старушка в очках тоже спешила к императору, продолжая кричать во всё горло. – Слово и дело государево!

Не иначе книжек на исторические темы начиталась. Какое ещё слово и дело? У императора для таких случаев существуют Особый отдел при Управлении дворцовой полиции и Департамент государственной безопасности при Третьем отделении собственной Е.И.В. канцелярии. Именно туда нужно обращаться по вопросам, не имеющим решения привычным путём. Анонимки не принимаются.

– Что у вас, сударыня? – император проявил интерес и не стал отсылать бабушку к тиграм бюрократических джунглей. – У вас какие-то проблемы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.